

САРА ЭВЕРЕТТ

ЕСЛИ БЫ

всё

БЫЛО ИНАЧЕ

18+

Сара Эверетт
Если бы всё было иначе
Серия «Young Adult. Бестселлеры
романтической прозы»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64294561*

*Если бы всё было иначе: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-112623-0*

Аннотация

Коэны стали частью моей жизни. У нас было общим все, что имело значение: прошлое, воспоминания, тайны и вместе проведенное время. В Люка я была влюблена, но он казался недостижимым, а с Роуэном мы стали лучшими друзьями. Мама братьев Мэл относилась ко мне как к дочери.

Я любила всех троих – каждого по-своему. И верила, что моему счастью не будет конца.

Как же я ошибалась. Теперь ничего уже нельзя изменить.

Люк никогда не простит меня. Он уверен, что именно я виновата в случившейся трагедии.

Но когда спустя год мы вдруг столкнулись в Винчестере, я не смогла отказать ему в просьбе. Ведь самое малое, что я могу сделать для Коэнов, – дать возможность поверить тяжело больной Мэл, что мы с ним вновь вместе...

Содержание

1	5
2	28
3	61
4	83
5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сара Эверетт

Если бы всё было иначе

Т К

Sarah Everett
Some Other Now

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2021 by Sarah Everett
All rights reserved

© Федотова А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

ТОГДА

Если бы меня спросили об этом, прежде чем все изменилось, я бы сказала, что была частью их семьи. Что Коэны стали моей плотью и кровью, не уступая по важности клеткам моего собственного тела. И дело не в том, что я ничего не понимала в генетике, как считал мой учитель по биологии мистер Уотерс. Просто все, что имеет значение в жизни, было для нас общим: прошлое, воспоминания, тайны и время.

Поэтому тем вечером, когда мы сидели за столом и ждали, пока Мэл расскажет нам свои новости, мне даже и в голову не могло прийти, что я могла быть не с ними, а где-то еще. Стояло лето, и озеро поблескивало, а мой собственный дом находился на другом конце города.

Я сидела на своем месте – рядом с Люком, напротив Роуэна. Я занимала его с тех самых пор, когда нам с Роуэном было по семь лет и мы познакомились в теннисном лагере, тут же став лучшими друзьями.

– Передай мне салат. – Наоми, лучшая подруга Мэл, сидевшая справа, похлопала меня по запястью, чтобы я обратила на нее внимание.

Мэл вернулась домой из больницы меньше часа назад. Мы тут же завалили ее вопросами, но она не ответила ни на один, незамедлительно заявив, что нам нужно «хорошенько поужинать». Она сказала, что мы обсудим все после еды. Мэл никогда не относилась ко мне, Люку и Ро как к маленьким детям, и это была одна из черт, которые я так в ней любила. Она всегда рассказывала нам правду и разговаривала с нами так, как будто разницы в возрасте не существовало. По этой причине сейчас ее поведение заставляло нас нервничать еще сильнее. Она смеялась и болтала с Наоми, как будто это был совершенно обычный день, как будто все было в порядке. Но я догадывалась, что это невозможно.

Если бы врачи сообщили ей хорошие новости, она бы сразу так нам и сказала.

Мэл должна была понимать, что, откладывая этот разговор, заставляет нас прийти к единственному выводу: она больна.

Причем больна не такой болезнью, которая проходит после нескольких дней, проведенных в кровати в компании грелки, куриного супа с лапшой и сериалов.

От этой мысли у меня на сердце заскребли кошки.

– Мне нужно несколько подопытных кроликов, чтобы опробовать новый рецепт кексов для пекарни, – сказала Мэл, пытаясь вовлечь нас в разговор, но Ро не ответил, продолжая остервенело жевать и яростно скрести вилкой по тарелке. Никогда не думала, что существует такое понятие, как

«злбно ужинать», но именно это он сейчас и делал. Видимо, он терял терпение быстрее, чем я, и это промедление давалось ему с трудом.

Сидевший рядом со мной Люк смотрел в тарелку и передвигал ее содержимое из стороны в сторону, но ничего толком не ел. Собака Коэнов Сидни, никогда не упускавшая возможности подкрепиться, чинно восседала неподалеку от Люка. Я заметила, как он незаметно протягивает ей кусочек морковки, думая, что никто этого не видит. Раньше такое зрелище заставило бы меня улыбнуться, но сейчас Люк выглядел таким несчастным, что мне хотелось плакать.

Мэл как будто ничего этого не видела и как ни в чем не бывало рассказывала о новых сырных кексах. Ее хрипловатый голос звучал так же спокойно, как и всегда.

Она разговаривает так же, как поет Билли Холидэй.

Я записала эти слова в своем дневнике много лет назад, вернувшись после очередного дня у Коэнов – мы с Мэл провели его, сидя в гостиной и слушая старый джаз, который она так любила. Вокруг этой фразы я нарисовала много маленьких сердечек. Если честно, большую часть времени я сама не знала, кого люблю больше: Мэл или ее сыновей. Я была немножко влюблена во всех троих – в каждого чуть-чуть по-разному.

– Джесси. – Голос Ро внезапно прорезался сквозь мои мысли. – Можно тебя на секунду? Мне нужна помощь на кухне.

Эти слова прозвучали резковато, но я встала и вышла из столовой вслед за ним. Я размышляла: пришел ли он к тому же выводу, что и я? Опасался ли, что все очень-очень плохо? Как только мы оказались на кухне, я не выдержала и обняла его. Он прижал меня к себе и легонько похлопал по спине, как будто это *он* меня утешал.

Когда он наконец меня отпустил, его голос звучал не громче шепота:

– Тебе нужно уйти.

Я застыла на месте, а потом сделала шаг назад.

– Куда уйти?

Он опустил руки и, не отводя взгляда от пола, почти раздраженно произнес:

– Домой.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл его слов.

Домой. То есть *к себе* домой.

– Что? Зачем? – спросила я.

– Потому что тебе не нужно тут быть.

Я рассмеялась, но в следующее мгновение осознала, что Роуэн не улыбается.

– Ты что, Ро? Я ни за что не уйду домой, пока Мэл не расскажет...

Он перебил меня на полуслове.

– Господи, Джесси! Ты думаешь, что здесь *живешь*? – Он буквально выплюнул эти слова. – Это не так. Вся эта фигня

– наше семейное дело.

Я лишилась дара речи. Я знала Коэнов уже десять лет. Я проводила у них каждый день рождения, каждый День благодарения и каждое Рождество. Я была с ними, когда умер их старенький кокер-спаниель Базз, – нам с Ро было тогда по девять лет. А через несколько недель, когда Мэл принесла домой дрожащего щенка лабрадора, я первой заглянула в коробку. Я помогла им выбрать для него имя – Сидни. Я была с ними в тот день, когда доктор Коэн собрал чемоданы, сел в свой внедорожник и уехал навсегда. Ни один из Коэнов никогда – ни единого раза – не намекнул, что мое место где-то еще, а не рядом с ними.

– Ты серьезно? – выдавила я тонким голосом.

Ро кивнул, не разжимая решительно стиснутых челюстей. Он дернул рукой, как будто хотел провести ею по волосам, и только потом вспомнил, что в начале лета постригся почти под ноль.

– Роуэн, я не понимаю тебя, – проговорила я. Негодование, пылавшее внутри меня, потихоньку уступало место обиде. У меня перехватило дыхание, словно во время сражения кто-то ударил меня между ребрами чем-то острым и смертельно опасным. Неужели я совершила какую-то ошибку? Нет, наверняка Ро просто сорвался из-за всего, что происходит с его мамой. Ведь так?

– Тут нечего понимать, – чуть слышно произнес он. – Просто... представь, что на ее месте твоя мама.

Он вышел из кухни, оставив меня ошарашенно стоять в одиночестве. Его последние слова оказались самыми жестокими.

«Представь, что на ее месте твоя мама».

Черт, он что, издевается?

Мне не нужно было ничего представлять. Тот факт, что меня родила не Мэл, ничуть не убавлял моей любви к ней. Совершенно необязательно быть долговязым идиотом по имени Роуэн Коэн, чтобы содрогаться от одной только мысли о мире без Мэл.

Я выбежала из кухни и, вернувшись в столовую, опустилась на свое место. Сидевшая рядом Наоми наливала воду в стакан. Я украдкой бросила взгляд на нее, на ее короткие светлые волосы, уложенные в модную прическу. Они с Мэл дружили уже двадцать лет. Ей не было необходимости сдавать тест на родство, чтобы ее не выгоняли из дома Коэнов. Кем себя возомнил этот дурацкий Роуэн?

Я взяла миску с пастой и принялась накладывать себе добавку, чувствуя, как яростный взгляд Ро отскакивает от моего затылка. Тем не менее я не остановилась, пока на тарелке не оказалось столько еды, что хватило бы на двоих.

– Паста очень вкусная. Спасибо, Мэл, – сказала я.

Следующие пять минут я ела молча, а Наоми и Мэл продолжали болтать о разных мелочах.

Когда я снова почувствовала на себе взгляд Роуэна, то подняла на него глаза, ожидая, что он будет смотреть на ме-

ня с тем же раздражением, что и последние пять минут. Но в них была какая-то другая эмоция, которую я не могла до конца понять. Нечто, похожее на отчаяние.

И на немую мольбу.

Его глаза молили меня уйти.

Я бросила ему в ответ свой собственный взгляд в надежде, что тот передаст обиду и злость, которые кипели во мне из-за слов, сказанных Роуэном на кухне. *Поверить не могу, что ты попросил меня уйти.*

А потом он опустил взгляд, как будто больше не мог смотреть мне в глаза.

Я совершенно его не понимала. Ему что, было стыдно? Я не видела в этом никакого смысла – чего ему стыдиться? Речь шла о Мэл; все это никак не касалось лично его.

Я продолжала сверлить взглядом опущенную голову Ро, заклиная его посмотреть на меня. В нашем безмолвном разговоре еще не была поставлена точка. Но он упорно не отрывал глаз от стола, и я вдруг поняла, что вся его злость, вся дерзость, все *Роуэнство* бесследно исчезли. Он казался просто... печальным.

И было в нем что-то еще, чего я не могла объяснить.

Черт.

Я могла бы справиться с Роуэном, если бы он давил на меня и причинял боль из-за того, что с его мамой случилась беда и он хотел выместить свое горе на ком-то другом. Но дело было не в этом.

Я никак не могла понять, что происходит. Я никогда не видела Ро таким. Он словно отчаянно молил меня совершить этот поступок ради него.

Уйти домой.

Мне хотелось остаться, заставив его объясниться со мной, и выслушать то, что Мэл собиралась сказать после ужина, но Роуэн снова и снова отводил от меня свой печальный взгляд.

Пока я наконец не отодвинула тарелку и не встала из-за стола, словно наблюдая за собой со стороны.

– Ой, господи, – проговорила я. – Мэл, прости, пожалуйста. Я только что вспомнила, что мне нужно закончить очень сложный проект... а еще завтра контрольная... Папа убьет меня, если я ее завалю.

Мой рот продолжал что-то бормотать, извергая одну отговорку за другой.

Закончив, я даже не могла вспомнить все, что сказала.

Пока я собиралась, я знала только, что Ро все так же не смотрит мне в глаза, а Люк, наоборот, не спускает с меня озадаченного взгляда.

Я помню чувство, охватившее меня тогда. Я ощущала, что совершаю ошибку, что все должно происходить совершенно иначе. Мэл не должна болеть. Но раз так получилось, я должна остаться в доме Коэнов и дожидаться конца ужина. Я должна пройти в гостиную и, сев между Люком и Ро на слегка покосившийся диван, выслушать новости Мэл. А потом мы с Ро должны оказаться в темном сарае на заднем дворе

– в том месте, куда мы всегда ходили собраться с мыслями, когда происходило что-то серьезное. Должны прислониться спинами к металлическим стенам, шепча друг другу искренние слова, слишком тяжелые для ясного июльского вечера. Мы бы разговаривали, плакали и страдали, и это было бы ужасно, но мы бы делали это вместе. Потому что мы – семья, а семьи именно так и поступают.

Я помню, как обняла Мэл, села на велик и поехала домой. Всю дорогу по моим щекам текли слезы, потому что я не могла избавиться от чувства, что двигаюсь в неправильном направлении.

Даже не понимая, почему это делаю.

ТОГДА

В итоге мне обо всем рассказала мама.

Стоило мне добраться до дома, я взлетела по лестнице, перепрыгивая каждую вторую ступеньку, и заглянула в спальню родителей. Я знала: если мама не на работе, она будет там.

Слезы застилали мне глаза, но я увидела ее сразу же.

Она лежала на кровати, свернувшись калачиком. Сквозь задернутые шторы проникал одинокий луч света, едва освещавший контуры ее тела.

Я тихонько подошла к ней и положила руку туда, где, как мне казалось, находилось ее плечо. В течение семнадцати лет я старалась не беспокоить ее, когда ей хотелось побыть

одной, но этот вечер стал исключением. Этим вечером она была мне нужна, и впервые Мэл не могла ее заменить.

– Мама, – сказала я неподвижному бугорку под одеялом.

Она откинула одеяло с головы и взглянула на меня, щурясь так, словно смотрит на солнце в безоблачный день.

– Что случилось? – спросила она.

– Мэл сходила в больницу. Можешь позвонить ей и узнать, что ей сказали?

Она несколько раз моргнула, вероятно, задаваясь вопросом, почему я не могу позвонить Мэл сама или где я была, если вернулась домой не от Коэнов.

– Ладно, – наконец проговорила она, медленно приподнимаясь, чтобы сесть.

Я схватила со столика телефон и протянула его маме.

Когда она его брала, ее пальцы коснулись моих, и я подумала: как чьи-то руки могут быть такими холодными в середине лета?

– Мелани, привет!

Мамин голос звучал бодро и беззаботно, как будто это не она лежала в темной комнате – вероятно, много часов подряд.

– Да, я тоже. Хотела поздравить тебя с тем, что Люк окончил школу!

Я сидела в изножье кровати, прижав колени к груди, и слушала мамины реплики. Слушала, как она смеется и шутит в ответ. Этот трюк давался ей не всегда, но иногда она мог-

ла ненадолго притвориться, что с ней все хорошо. У мамы каким-то чудом получалось собраться, когда это было действительно важно для нее. Например, на работе или на родительском собрании – хотя это уже была папина территория.

Но я в сотый раз задавалась вопросом: зачем маме притворяться перед Мэл, которая знает обо мне гораздо больше, чем оба моих родителя, вместе взятые? Перед Мэл, которой известно обо всех тех днях, которые мама провела, не вставая с кровати, обо всех таблетках, которые она не хотела принимать, и обо всех врачах, к которым она отказывалась ходить. Кто бы мог подумать, что моя мама – офтальмолог по профессии – будет избегать медицинской помощи? Но она была из тех, кто считает, что лечение необходимо всем, кроме нее самой. А она-то просто устала, замучилась на работе или плохо чувствует себя из-за погоды. Или ей просто нужно побыть одной. Так мы и жили – с безымянным и бесформенным чудовищем, которое поедало мою мать изнутри.

Мама замолчала: теперь говорила Мэл.

Я сидела слишком далеко, чтобы различить слова, но слышала, что ее голос звучит серьезно и печально, словно мелодия в минорной тональности.

Пока она говорила, я почувствовала, как в кармане джинсовых шорт завибрировал мой телефон.

Это была СМС от Люка.

Почему ты ушла?

Люк редко отправлял мне сообщения, а если и отправлял,

они меня скорее расстраивали. Он писал полными предложениями, всегда ставил знаки препинания и никогда – смайлики. Тон получался весьма агрессивный.

Но обычно я понимала его достаточно хорошо, чтобы видеть, что он не сердится.

Но в тот вечер он *и правда* мог сердиться. Как минимум он был сильно озадачен.

Я подумала, не написать ли ему правду – что его брат попросил меня уйти, – но не смогла себя заставить. С Роуэном что-то творилось, и я чувствовала, что должна его защитить, хоть и не была уверена, заслуживает ли он этого. Если бы я рассказала Люку о произошедшем, он решил бы поговорить с Ро, и тогда Ро... кто знает, как бы он поступил?

У меня были дела, про которые я забыла, – написала я в ответ. Я понимала, как невразумительно это выглядит, но ничего лучше в голову не пришло.

Они не могли подождать? – тут же пришло сообщение Люка. Я помимо воли ощутила мрачное удовлетворение – по крайней мере, *он* не считал, что мне не место в их доме.

Я не была идиоткой. Благодаря темнокожему отцу и светлокожей матери я стала счастливой обладательницей смуглой кожи и копны кучерявых волос. Родители Мэл приехали с Филиппин, и, возможно, изначально нас сблизило именно это – в нашем городке, где жили в основном белокожие люди, мы обе выделялись из толпы. Тем не менее, я была совершенно на нее непохожа. Как и на Люка с Ро – ее мальчи-

ков с волосами, черными как вороново крыло, которые были едва ли не на целую голову выше всех остальных. Взглянув на нас четверых, никто не принял бы меня за их родственницу, но я всегда знала – по крайней мере, мне так *казалось*, – что внутри мы очень похожи. Мы выбрали друг друга – мы с Люком, Ро и Мэл, – и поэтому стали одной семьей.

Что бы ни происходило с Ро, это останется неизменным.

Меня охватил гнев, смешанный с сожалением.

Нужно было настоять на своем. Не нужно было уходить.

И, если честно, я понимала это и без слов Люка. Я всем сердцем чувствовала, что должна была вместе с Коэнами пережить этот вечер – худший в жизни каждого из нас.

Мама уже заканчивала разговор с Мэл, поэтому я не ответила на сообщение Люка.

Я сунула телефон обратно в карман и снова подошла к кровати.

– Береги себя, Мелани, – произнесла мама печальным голосом, и в моем горле образовался комок.

Она повесила трубку и обо всем мне рассказала. Она произнесла эти слова быстро, как будто считала, что будет милосерднее оторвать пластырь настолько резко, насколько возможно. Если бы в тот момент я могла мыслить разумно, я была бы ей за это благодарна.

Я спрятала лицо в ладонях, зарывав так, словно состояла из одной только воды, и тогда моя мама сделала то, что не делала никогда раньше.

Она пододвинулась на середину кровати, чтобы я могла прилечь рядом с ней.

Я лежала в комнате родителей и плакала так, словно больше никогда в жизни не увижу Мэл. Мама молча гладила меня по голове, пока я заливала ее простынь слезами и соплями.

Пока я росла, я порой не видела маму целыми днями. Она могла лежать в постели или сгорбившись сидеть в полутьме своей комнаты. Папа говорил, что ей нужно время. Ей нужно побыть в одиночестве.

Иногда он укутывал ее в теплую одежду и вел гулять в лучах закатного солнца. Ее глаза выглядели запавшими, а она сама – бледной и осунувшейся.

«Ей нужно подышать свежим воздухом».

А вот я никогда не была ей нужна. Правда, папа пользовался любой возможностью, чтобы сказать мне, что она меня любит.

Ей только нужно поправиться – но она меня любит.

Я не знаю, верила ли я его словам. Но если бы и не верила, тот вечер доказал мне, что папа был прав. Мама обнимала меня и слушала, как я плачу по женщине, которую я бы снова и снова предпочла ей – и предпочитала всегда.

СЕЙЧАС

Лето в Винчестере – та еще сволочь.

Год назад я занималась матанализом в летней школе и пы-

талась справиться с новостями – с такими, которые сотрясают твою жизнь до основания. Но, по крайней мере, у меня был кондиционер.

Капелька пота лениво стекает по моей спине, пока я подаю мячик за мячиком на другую сторону корта и пытаюсь избежать столкновения с гиперактивными девятилетками. Вероятно, занятия не тянулись бы так медленно, если бы я не опустошила бутылку с водой за первые полчаса. Или если бы за эту работу мне платили.

Наверняка существует множество оснований, по которым меня нельзя назвать идеальным учителем. Тем не менее, когда в прошлом году теннисный клуб остался без инструктора, я вызвалась помочь и по-прежнему не собираюсь отказываться от своих слов.

– Молодец, Мэдисон! – кричу я девочке, которая совсем недавно начала заниматься в моей группе. У нее широкие зубы, и она одевается во все розовое.

– Хорошо! Не забывай отводить ракетку до конца, Люис, – говорю я другому ребенку.

Я достаю из корзины очередной мячик и бросаю его через сетку. Он возвращается назад с удвоенной скоростью, поэтому я не успеваю отпрыгнуть, и он попадает мне по правому колену.

– Ох, ты в порядке, Джесси?

Дерек сочувственно морщит лоб. Он стоит в левой части корта и тоже подает мечи выстроившимся в ряд детишкам.

– Да. Все хорошо.

Я растираю коленку, пытаюсь прогнать боль.

Дерек подходит ближе и подносит мячик ко рту, чтобы никто, кроме меня, не расслышал его слов.

– У этого пацана отличный удар справа. Вот бы ему научиться не лупить по мячу со всей силы и хоть иногда попадать *на корт*.

– Вот уж правда, – соглашаюсь я.

Дереку немного за сорок. Он профессионально занимался теннисом в колледже и отличается отменной подачей. Он пришел в наш клуб «Выигрыш» всего пару месяцев назад, но уже хорошо показал себя на посту главного тренера, в отличие от вереницы преподавателей, которых новое руководство нанимало за последний год. Если бы он оставлял свои комментарии при себе, цены бы ему не было. Я скукаю по семейной паре, которая обучала нас с Ро, когда мы были детьми, но они два года назад вышли на пенсию и переехали во Флориду.

Остаток занятия проходит спокойно – мне удастся больше не попасть ни под один мяч. Почистив корты, мы с Дерекком заходим в здание клуба. В моем колене пульсирует боль, поэтому я беру лед в морозильнике на кухне и ковыляю в фойе, где работает благословенный кондиционер, чтобы рухнуть там на стул.

Едва усевшись, я вспоминаю все причины, по которым обычно сторонюсь фойе, словно оно – рассадник чумы.

Здесь находится клубный «зал славы», и с одной из фотографий бывших «звезд Винчестера» на меня пялится пятнадцатилетний Роуэн, улыбающийся во весь рот. Его улыбка сияет еще с трех снимков. Тут даже есть наше общее фото – на нем нам лет по десять, и мы только что выиграли турнир в смешанном разряде. Мы светимся от счастья, словно это лучший день в нашей жизни.

Я чувствую, как в горле образуется комок, быстренько собираю вещи и вылетаю из фойе, по дороге забрасывая лед обратно в морозилку. Когда я снова оказываюсь под палящим солнцем и добираюсь до парковки, мне приходит СМС.

Мы с Брэттом идем на озеро сегодня днем. Давай с нами!

Это пишет Уиллоу Хэйстингз. Ее папа – владелец нашего теннисного клуба. В субботу утром она часто приходит в «Выигрыш», чтобы посмотреть на тренировки, и я радуюсь, что сегодня мы разминулись. У меня нет настроения слушать ее радостное щебетание, наполненное безудержным оптимизмом. Честно говоря, мы подружились каким-то чудом – по крайней мере, мне так кажется. Из-за всего, что произошло в прошлом году, я осталась в выпускном классе практически без друзей – пока в Винчестер не приехала Уиллоу. На ее долю выпало катастрофическое невезение – ей пришлось пережить переезд накануне второго семестра последнего года обучения в школе. Таким образом, мы с Уиллоу оказались единственными планетами в галактике Вин-

честера, на которые не действовало ничье притяжение, и по этой причине мы быстро вышли на орбиты друг друга. Со-мневаюсь, что мы стали бы подругами, если бы она выросла здесь, как все остальные.

Я набираю ей СМС, не замедляя шага.

Не могу. У меня работа. В конце я ставлю грустный смайлик, как будто эта ситуация меня жутко расстраивает.

Опять нянчишься с дедушкой? – пишет она в ответ.

Я улыбаюсь, но не достаиваю Уиллоу ответом.

Вместо этого сажусь в машину, которую родители пода-рили мне в начале года.

Пансионат Всех Святых расположен всего в нескольких километрах от теннисного клуба, и я остаиваюсь на парковке без четверти час – за пятнадцать минут до начала сме-ны. Несмотря на это, я сразу захожу в здание, открыв дверь с помощью карточки-пропуска, вызываю лифт, поднимаюсь наверх и иду по коридору до двери Эрни.

Я стучусь, и он тут же кричит, что я могу войти. Шагнув в его маленькую квартирку, я оказываюсь на кухне. Свет вклю-чен, хотя еще только середина дня.

– Привет, Эрни. Вы в добром здравии?

– Вполне. – Я слышу привычный ответ и улыбаюсь.

Он сидит в гостиной перед телевизором и с выключенным звуком смотрит керлинг по телевизору.

– Как ваши дела?

Я плюхаюсь на диван, стоящий рядом с его любимым

креслом-качалкой.

– Лучше, чем если бы они стали развиваться по другому сценарию.

– По какому это? – спрашиваю я, осознанно загоняя себя в ловушку тщательно подготовленной шутки. Я знаю, что он целыми днями придумывает анекдоты, чтобы опробовать их на мне, так что всегда ему подыгрываю.

– Если бы я оказался в сырой земле, как мой невезучий братец, сукин сын Гарет Ричард Соломон Четвертый.

– Эрни! – восклицаю я в притворном ужасе. – Не вынуждайте меня звонить вашей маме!

– А давай! Я уже много лет не был на хорошем спиритическом сеансе.

Я смеюсь.

– Не могу, когда вы так себя ведете, – говорю я, хотя он всегда ведет себя так, и именно по этой причине я возвращаюсь сюда снова и снова. И еще ради зарплаты, хотя, если честно, это кажется мне мошенничеством. Практически каждый раз время, проведенное здесь, становится для меня самой большой радостью за всю неделю. Когда в прошлом году я увидела объявление, размещенное родственниками Эрни, мне было страшно им звонить. Они искали человека, который мог бы составить ему компанию несколько раз в неделю, а у меня не было никакого опыта общения с пожилыми людьми – папины родители живут далеко от нас, а маминых я никогда не видела. К счастью, эта работа подошла мне иде-

ально. Все, что мне нужно делать, – это сидеть с самым веселым старичком, которого я встречала в своей жизни, и обмениваться с ним шутками. И мне еще платят за это деньги.

– Хотите погулять? – спрашиваю я, прибираясь на маленьком столике.

Эрни фыркает.

– Не для того я столько ходил, когда был молодым, чтобы состариться и ходить еще больше. Когда уже можно будет пожинать то, что я посеял?

– Свежий воздух пойдет вам на пользу, – настаиваю я.

Он качает головой.

– Включи музыку, – говорит он. – А потом я у тебя кое-что спрошу.

Я бывала здесь уже много раз и знаю, что делать. Я подключаю к своему телефону беспроводную колонку, которую дети Эрни подарили ему на прошлое Рождество, и несколько секунд спустя комнату наполняет голос Эллы Фицджеральд.

Только в компании Эрни я позволяю себе слушать старый джаз. Во-первых, потому что ему достаточно лет, чтобы оценить эту музыку по достоинству. А во-вторых, в его присутствии я могу хоть как-то сдерживать слезы, которые наворачиваются мне на глаза.

Сегодня боль привычно сдавливает мне грудь, но ее можно терпеть.

– О чем вы хотели поговорить? – интересуюсь я, снова опускаясь на диван.

– Мне всегда хотелось кое-что у тебя узнать, но я никогда не спрашивал, – говорит он. – Почему такая девушка, как ты, проводит три дня в неделю с таким старпером, как я?

– Во-первых, вы не...

– Не трать время на споры. Я прекрасно знаю, что из себя представляю – всего лишь скопление древних газов, – настаивает он. – Так что скажешь?

– О чем? – уточняю я.

Следующую минуту он молчит и, перед тем как снова заговорить, поднимает на меня серьезный взгляд.

– Почему у меня такое чувство, что я заполняю какую-то пустоту в твоей жизни?

Я сглатываю комок.

– Нет в моей жизни никакой пустоты, – произношу я, когда ко мне возвращается дар речи. Но, если честно, мы оба знаем, что он прав. Он заполняет пустоту, оставшуюся от потери семьи, которая, как я думала, будет со мной всегда. Точно так же, как Уиллоу заменяет мне друзей, которых я никогда не ожидала потерять.

– Хмм, – мычит он, явно недовольный моим ответом, но не говорит ничего больше. Мы снова слушаем музыку в тишине.

Когда я в четвертом часу выхожу из квартиры Эрни, в моем кармане вибрирует телефон. Я отвечаю.

– Привет, милая!

Радость, звенящая в голосе мамы, удивляет меня даже

больше, чем сам звонок. Пора бы уже привыкнуть к тому, что теперь это входит у нее в привычку. Звонить мне.

– Просто хотела спросить, когда ты приедешь домой.

– Выезжаю из пансионата. Я же работаю, помнишь?

Наверное, нужно было написать ей СМС, но я никак не могу не привыкнуть, что нужно кому-то сообщать, где я нахожусь.

– Ты точно не перенапрягаешься, Джесси? У тебя две работы, так ты еще и в клубе помогаешь...

– Я в порядке, мам, – говорю я.

– Тогда хорошо.

Возникает короткая неловкая пауза, потом она вздыхает.

– Ладно, я просто хотела узнать, где ты. Пожалуйста, будь внимательна за рулем!

Я обещаю, что буду внимательна, и сбрасываю звонок.

Мама очень сильно изменилась за прошедший год, и я никак не могу поверить, что эта новая версия – «Мама 2.0» – останется с нами надолго. Я думаю о тишине, царившей в нашем доме, и о полумраке, окутывавшем родительскую спальню, и эти мысли ударяют по мне, словно плеть. Я предпочитаю сосредоточиться на нашем разговоре с Эрни, чем вспоминать, как мы жили раньше.

Поэтому я мысленно возвращаюсь к словам Эрни – о пустоте, которую он заполняет, – и вскоре вязну в трясине своего прошлого. Меня засасывают мысли о Мэл, Ро и Люке. И даже о Сидни.

Я редко поступаю импульсивно, но по дороге домой моя выдержка дает сбой.

Я позволяю себе сделать то, что обычно не делаю.

Проезжаю мимо дома Коэнов, который стоит в самой восточной части города. Притормаживаю, чтобы хорошенько рассмотреть неизвестную мне машину, и пытаюсь представить – всего на минуту, – какой сейчас была бы моя жизнь, если бы в ней не случилось прошлого лета.

ТОГДА

После того как мы узнали, что Мэл больна, я целую неделю едва могла взглянуть на нее, чтобы не расплакаться. При чем это были не тихие, утонченные слезы, а громогласные, судорожные рыдания. Время от времени я была готова поклясться, что чувствую на себе взгляд Ро. Тогда я вспоминала слова, сказанные им тем вечером.

«Представь, что на ее месте твоя мама».

Неужели ему казалось, что я краду у него Мэл? Что я пристала к его семье как банный лист и покушаюсь на их боль, которая не имеет ко мне отношения?

Как он мог такое подумать – что эта боль меня не касается?

Я росла, подчиняясь тем же правилам, что Ро и Люк. Мы засыпали под одни и те же сказки. Мэл обнимала нас, ругала и любила – всех одинаково. В моих воспоминаниях Мэл укладывала меня спать чаще, чем мама. Мэл была моей семьей во всех смыслах этого слова, которые имели значение.

Как Ро мог этого не понимать?

После того злополучного вечера наше общение складыва-

лось странно. Он не говорил, почему на самом деле попросил меня уйти, а я все так же его чуть-чуть за это ненавидела. По крайней мере, пыталась. Но большую часть времени я просто грустила. Раньше у нас с Ро не было друг от друга секретов. Мы ссорились, но никогда не обижали друг друга специально. Это заставляло меня задумываться: вдруг в нашей дружбе произошли необратимые изменения и теперь мы медленно становимся чужими?

Прошло несколько дней, и наступила суббота. Мы с Ро сидели в «Росас» – пекарне Мэл – и набивали животы кексами «Красный бархат». «Росас» в переводе с тагальского означает «роза», но посетители постоянно думали, что это имя хозяйки, и называли так Мэл.

Передо мной лежали временно забытый учебник по матанализу и стопка бумажек, наглядно демонстрировавших мои неудачные попытки высчитать значения переменных. Когда Роуэн предложил мне помочь, я так обрадовалась возможности провести время вместе, что сразу же согласилась, однако от его «помощи» не было особой пользы. Он разбирался в матанализе немногим лучше меня.

Из подсобки до нас доносился голос Мэл, дававшей наставления женщине, которой следующие несколько месяцев предстояло вести дела в пекарне, пока Мэл будет проходить курс лечения.

– Мне так нравится ее акцент, – прошептала я Роуэну, что-то листавшему на телефоне – вероятно, результаты тен-

нисных матчей, поскольку Уимблдон был в самом разгаре.

Он не ответил. Я пнула его ногу под столом и повторила то, что только что сказала. Эта женщина – Беверли – говорила с чопорным британским акцентом, но иногда вдруг начинала растягивать слова, как это делают на Среднем Западе. Я слышала, как она рассказывала Мэл, что родилась в Брайтоне, но потом переехала в Огайо и прожила там уже больше пятнадцати лет. В Винчестер редко заезжали чужаки, и такое событие каждый раз воспринималось с энтузиазмом.

– Хмм, – неопределенно промычал Роуэн.

Я встала, подошла к его стороне стола и наклонилась, притворяясь, что хочу достать салфетку, хотя на самом деле мне хотелось посмотреть, что он так внимательно изучает. Если там было что-то мерзкое, я собиралась зарядить ему ногой в лицо.

Увидев логотип больницы, где Мэл должна была начать лечение в следующий понедельник, я застыла на месте.

Роуэн наконец заметил меня и тут же выключил телефон, прошипев:

– Не лезь, пожалуйста.

Я ощутила укол боли из-за того, что его первой реакцией было от меня закрыться. Вечер, когда Мэл поставили диагноз, повторялся еще раз.

– Почему ты заставил меня уйти? – спросила я, все так же нависая над ним. – Почему в тот вечер ты захотел, чтобы я ушла?

– Я тебе уже говорил, – пробормотал он. – Это было семейное дело.

– Там была Наоми.

– Она *мамина* подруга. Маме явно было комфортно говорить при ней.

Его слова подразумевали, что я пришла в дом Мэл в качестве подруги Ро, и других причин находиться там у меня не было. Я побелела от злости.

– Ты что, блин, издеваешься надо мной?

Он пожал плечами.

Я обернулась. В проеме двери виднелся кусочек зеленой рубашки Мэл. Я задумалась: а что, если в словах Ро была доля правды?

Что, если тем вечером именно *Мэл* хотела, чтобы я ушла?

Тогда почему она не сказала мне этого сама?

Раньше я была свято уверена, что мое место – рядом с Коэнами. Но теперь, благодаря Роуэну, я начинала ставить под сомнение каждое свое убеждение.

Например, откуда мне было знать, что Мэл *действительно* относилась ко мне так, как я думала? Разве она хоть раз говорила, что я заменяю ей дочь, которой у нее никогда не было?

Голос в моей голове возразил, что ей было необязательно произносить это вслух. Она всегда относилась ко мне с огромной любовью, всегда включала меня в семейные планы – с того самого дня, когда много лет назад она в первый раз

увидела семилетнюю девочку, одиноко стоявшую напротив теннисного клуба, потому что папа все никак за ней не приезжал.

«Возможно, она просто тебя пожалела». Это было вполне вероятно. Я фактически росла без матери и ходила в теннисной форме, которая из белой стала розовой, потому что папа ничего не знал о том, как ставить стирку. Им стало меня жалко – вот самое логичное объяснение тому, что семья Коэн тогда меня приняла. Но правда ли это было так?

Я повернулась к Роуэну.

– Ты такой кретин. Сам знаешь об этом?

– Мне все равно, – проговорил Роуэн, вставая. – Я еду на тренировку. Тебя подвезти или как?

– Спасибо, я пройду пешком.

Он закатил глаза.

– Поехали со мной.

– Я же *сказала*: спасибо, я пройду пешком.

– Ладно, – сказал он и с гордым видом пошел к двери.

Почти добравшись до цели, он остановился. Мы оба знали, что мой дом находится на другом конце города и пешком туда идти часа полтора.

– Ты сейчас серьезно? – осведомился он, раздраженно скидывая руки.

Я ничего не сказала и снова села на свое место за нашим столиком, спиной к нему. Пару секунд спустя я услышала, как хлопнула входная дверь.

– Что тут происходит? – поинтересовалась Мэл, снова появляясь за прилавком.

– Ничего. Просто Ро ведет себя как идиот. Сможешь подвезти меня до дома, когда освободишься? В смысле, если тебе несложно.

Мэл начала протирать прилавок, но, услышав эти слова, нахмурилась и подняла на меня взгляд.

– Конечно, мне несложно. К чему вообще такой вопрос? *«Ро ведет себя так, как будто его от меня тошнит»*, – едва не слетело у меня с языка, но я не хотела отдавать Роуэна на растерзание Мэл. Поэтому я просто пожала плечами и промолчала.

– Я отвезу тебя домой, – твердо произнесла Мэл, демонстрируя мне, что никаких «и» или «но» не последует. Когда я кивнула, она развернулась и удалилась на кухню.

Мне недавно исполнилось семнадцать, но у меня все еще не было машины, и это постоянно вызывало трудности. Ро умудрился раздобыть недорогой подержанный «форд», хотя в финансовом плане Коэнам приходилось сложнее, чем моим родителям. Поправка: в финансовом плане сложнее приходилось Мэл и ее сыновьям. У доктора Коэна и медсестры, ради которой он бросил Мэл, проблем с деньгами явно не наблюдалось – по крайней мере, если судить по тому, какие шикарные подарки они присылали Люку и Ро на дни рождения и Рождество.

Я получила права еще в прошлом году, но мой отец по-

прежнему считал, что я «не готова к собственной машине». Видимо, он рассматривал ее как еще один потенциальный источник беспокойства. А у него уже и так были мама и «АйКон» – офтальмологическая клиника, которая принадлежала моим родителям. Я же, наоборот, рассматривала собственную машину как способ избавиться от лишнего беспокойства, потому что мне бы больше не пришлось просить друзей меня подвезти, или добираться на автобусе, или идти пешком. Но папу волновало лишь то, что на машине можно попасть в аварию или нарваться на неприятности, и мне еще предстояло убедить его в обратном.

Следующие несколько недель я продолжала спрашивать Роуэна о том вечере. Он сам наверняка описал бы мои действия словом «*доставать*», но я никак не унималась. Он пошатнул мою картину мира – заставил сомневаться в том, как его семья на самом деле относилась ко мне все эти годы. Я просто не могла принять мысль, что в его словах была хоть доля правды. Мэл ни одним своим поступком не показывала, что относится ко мне как к надоедливой заразе, которой я почувствовала себя из-за Ро. Она находила время поговорить со мной, не отдалялась и ни на что не злилась. Она оставалась такой, какой была всегда: воплощением доброты.

За долгие годы я привыкла к тому, как изменчивы и нестабильны многие аспекты моей жизни. Мама всегда оставалась самым большим вопросительным знаком в моей вселенной. В детстве я часами рассматривала фотографии на стенах го-

стиной комнаты — фотографии, на которых мои родители были молодоженами, путешествующими по Южной Африке, Франции и Великобритании. Я останавливалась перед снимками и задавала им вопросы, хоть и не могла рассчитывать на ответ. Почему эти двое людей казались мне незнакомцами? Почему мама выглядела такой счастливой, жизнерадостной и румяной на ранних фотографиях, но превращалась в беспокойную, изможденную и отстраненную тень на фото, сделанных после моего рождения? Я подходила к поляроидным карточкам из тех времен, когда родители учились в магистратуре, и спрашивала, в какой момент между папиных бровей пролегла привычная мне складка и что вызвало ее появление — и почему теперь, если он отворачивался от мамы хотя бы на мгновение, казалось, что она вот-вот разобьется вдребезги.

Я привыкла задаваться тысячами вопросов о своей жизни, а теперь — вдобавок ко всему тому, что я не могла понять, — я не знала, какое место занимаю в семье Коэнов.

ТОГДА

Теперь я ходила к Коэнам не каждый вечер, а раз в два или три дня, хотя, пока Мэл проходила лечение, мне хотелось все время быть рядом с ней. Мне хотелось знать, когда у нее плохой день. Хотелось быть тем человеком, который смотрит с ней ужастики и красит ей ногти на ногах, чтобы помочь

забыть о болезни и тошноте. Мне хотелось, чтобы Мэл знала, насколько она мне дорога.

Однажды, когда мне было девять лет, мама весь день лежала в кровати, а я хотела есть и злилась, потому что устала тихо сидеть на одном месте. Так что я начала придумывать поводы зайти в комнату родителей и поговорить с ней. Сначала я сказала, что проголодалась. Потом спросила, можно ли мне фруктовый лед. Затем поинтересовалась, знает ли она, что идет дождь. Когда я зашла в комнату в четвертый раз, ко мне подошел папа, только что вернувшийся с работы, и, не дав ничего сказать, вытащил меня в коридор. Он закрыл дверь, а потом наклонился ко мне.

– Мамочка сегодня очень устала. Пусть она немножко отдохнет, хорошо?

Он попытался отвести меня на кухню, но я не сдвинулась с места.

– Джесси, – со вздохом произнес он.

– Можно я пойду ужинать к Роуэну? – спросила я.

– Не сегодня.

– Почему?

Папа вздохнул еще раз – теперь через нос.

– Милая, иногда людям надо побыть одним.

Я поняла, что он имел в виду – у Коэнов своя семья, а у нас своя. Но его слова также относились и к маме. Большую часть времени я была ей не нужна или ей не хотелось меня видеть.

Стоял вечер пятницы, на вторую неделю после того как Мэл начала лечение, и я вспоминала папины слова, сидя одна в своей комнате, когда вдруг зазвонил телефон. Я потянулась за ним и, увидев имя на экране, вздрогнула от накалившей паники.

– Люк, – произнесла я, едва ответив на звонок. – Как она? Мне приехать?

– С мамой все хорошо. – Люк сразу понял, о ком я говорю. – Дело не в ней. Я звоню из-за Ро.

Я выпрямила спину.

– Что случилось с Ро?

– Он ушел на тренировку утром и до сих пор не вернулся. Я сказал маме, что он с тобой, чтобы она не волновалась. Но... вы ведь сейчас не вместе?

– Нет, – проговорила я, качая головой, как будто Люк мог меня увидеть. Меня охватила тревога. У Роуэна не было привычки исчезать, никому не говоря. Я никак не могла привыкнуть к пропасти, что пролегла между нами – мой лучший друг больше мне не доверял.

– Как думаешь, где он может быть? – спросил Люк.

Я пораскинула мозгами и предложила несколько имен. С некоторыми из этих людей Люк уже поговорил, а с другими не было возможности связаться, поскольку мы не знали их номеров. Например, с Солом – парнем, с которым Ро работал в теннисном клубе. Или с Клаудией – десятиклассницей, с которой Роуэн встречался в прошлом году в течение при-

мерно тридцати секунд.

– Вот дерьмо, – тихонько пробормотал Люк.

Он редко ругался и редко по-настоящему сильно из-за чего-то переживал, но за это лето такое происходило при мне уже второй раз. Сегодня и в тот вечер, когда Мэл узнала результаты анализов.

Это заставляло меня нервничать.

Люк просил, чтобы я перезвонила ему, если что-то узнаю, когда меня вдруг осенило.

– Силия! – прокричала я в трубку. – Сегодня же вечер пятницы!

Силия славилась тем, что каждую пятницу в течение лета устраивала отпадную вечеринку. Она жила на краю города, и ее родители постоянно уезжали на выходные в какой-нибудь домик у озера. Но Ро не должно было там быть. Конечно, он мог совершить необдуманный и глупый поступок; к тому же с самого детства он был душой любой вечеринки. Только вот он никогда бы не поставил под угрозу свою теннисную стипендию – а на вечеринку запросто могли нагрянуть полицейские и повязать всех несовершеннолетних за распитие алкогольных напитков. А еще ему бы надрала задницу Мэл. И все-таки никаких других мест мне в голову не приходило.

– Силия? – непонимающе повторил Люк. Я иногда забывала, что между Люком и нами с Ро был год разницы и существовала небольшая, но значительная категория людей в школе, которых знали мы, но не знал он, и наоборот.

– Силия Мерфи. Я могу показать тебе, где она живет.

Через пятнадцать минут машина Люка уже стояла у моего дома. Когда я уселась на пассажирское сиденье и обернулась к Люку, его лицо пересекала неровная линия, прочерченная лунным светом, но все же нельзя было не заметить, насколько он взвинчен. Его волосы были взъерошены, как будто он снова и снова запускал в них пальцы, а в широко открытых глазах читалась усталость.

– Спасибо, что предложила поехать со мной. Твои родители не против? – спросил он, но я лишь отмахнулась от его вопроса.

– Все в порядке. Им все равно.

Я солгала. Папа наверняка заметил бы мое отсутствие, и ему точно не было бы все равно. Но я рассчитывала, что родители не проснутся среди ночи, а утром я уже буду спокойно спать в своей кровати. На всякий случай я оставила на кухонном столе записку, в которой написала, что Ро пропал и я поехала помочь Мэл его найти.

По пути к Силии мы почти не разговаривали. В машине слышался негромкий стук, но лишь когда он начал меня раздражать, я поняла, что это я сама снова и снова постукиваю ногтями о дверцу машины. Возможно, он бесил и Люка, но виду тот не подал.

Нам редко случалось оставаться вдвоем, тем более ночью в машине. То, что мой лучший друг куда-то исчез, делало ситуацию еще более странной. Тем не менее мы с Люком ис-

кали его вместе, и эта мысль вселяла в мое сердце спокойствие. Где бы Роуэн сейчас ни был, мы его найдем. Все будет в порядке.

Мне было приятно, что Люк позвонил мне, когда ему понадобилась помощь.

– Надеюсь, для его исчезновения есть веские причины, – произнес Люк, когда его раздражение временно перевесило беспокойство.

– Конечно, есть, – уверила его я, хотя сама немного сомневалась в своих словах.

Я откинулась на спинку сиденья. В носу защекотало от легкого запаха мяты. Мне стало интересно: Люк ел что-то мятное или просто недавно сменил листочек-освежитель, свисавший с зеркала заднего вида?

Бросив взгляд на его профиль, я задумалась, где он был, прежде чем отправиться на поиски Роуэна. Работал ли он сегодня в компьютерном магазине? Или, может быть, уже собирал вещи в университет?

От мысли о том, что всего через пару месяцев нас будут разделять шесть часов езды, мой желудок сжался в тугую комок. Наверное, теперь мы сможем видеться только по праздникам и на летних каникулах. Когда речь заходила о будущем общении с Люком, Мэл постоянно повторяла ему, что у нее есть Материнские Права, поэтому он обязан звонить домой не реже раза в неделю. Со мной все было иначе. Вспомнит ли он обо мне, когда начнет новую жизнь в новом горо-

де и соберет вокруг себя толпу новых друзей? Я с трудом добилась того, чтобы он перестал ставить точки в конце сообщений, которые изредка мне посылал. Если я дождусь от него телефонного звонка или длинного сообщения, это будет равноценно снегопаду посреди лета.

– Что-то не так? – вдруг спросил он, прикасаясь к подбородку. Я поняла, что попалась, и мои щеки тут же покраснели. – У меня что-то на лице?

– Ага. Кожа, – глупо пошутила я, пытаюсь хоть как-то сохранить достоинство.

Люк скорчил гримасу.

– Я думаю, мне стоит остаться, – внезапно проговорил он.

– Остаться?... – повторила я.

– В Винчестере. Не бросать маму с Ро одних, когда она так... – Он откашлялся.

Мое сердце сжалось от боли.

– И не ехать в универ?

Люк кивнул и бросил на меня взгляд.

– Но... Мэл же тебя убьет. И как же твоя стипендия? А еще Мэл сказала, что на днях купила тебе корзину для белья...

Машину наполнил смех Люка. Это было очень редкое явление; каждый раз когда мне удавалось его рассмешить, я чувствовала себя так, словно меня наградили почетной медалью.

– Я звонил в отдел, занимающийся финансовой помощью

студентам. Мне сказали, что стипендия не пропадет, если я начну учебу в следующем году. Я просто понимаю, что не смогу сейчас ни на чем сосредоточиться. А что касается корзины для белья, ее наверняка можно вернуть в магазин.

– Я бы не была так уверена. В последнее время правила возврата товара в «Волмарте» стали особенно суровыми...

Он снова рассмеялся, и я закусила губу, чтобы скрыть улыбку.

– Так что ты об этом думаешь? – спросил он. – Если серьезно?

Я на минуту задумалась.

– Слушай, ну, это ведь твое решение. Мэл превратит тебя в порошок, но речь идет о твоей жизни, понимаешь?

Люк вздохнул.

– И все? Я знаю, что это мое решение. Я хочу услышать *твое* мнение.

«*Не уезжай*», – подумала я.

Я пожалала плечами, и следующую минуту мы снова провели в тишине. А потом я сказала правду. По крайней мере, ее часть.

– Я бы на твоем месте осталась.

В следующее мгновение мне вспомнились слова Ро: «*представь, что на ее месте твоя мама*» – и в моем сердце тут же проснулось какое-то неприятное чувство. Но я хотя бы ответила честно. Если бы я была дочерью Мэл, я бы ни за что на свете не смогла оставить ее, уехав в колледж.

Люк взглянул на меня и улыбнулся.

– Я знал, что ты так скажешь.

– Зачем тогда спрашивал? – разозлилась я.

– Хотел услышать эти слова от тебя, – проговорил он. И секунду спустя добавил: – Спасибо.

Еще через несколько минут мы остановились рядом с подъездной дорожкой, по кругу огибавшей небольшую площадку напротив дома. Она была уставлена машинами – как и основная дорога, ведущая к особняку. Когда на вечеринку нагрянут копы, выбираться отсюда будет кошмаром. И судя по грохоту и воплям, доносившимся из дома, это был именно вопрос со словом «когда», а не «если».

К счастью, стоило нам зайти внутрь, как я заметила Мэйси – нашу с Роуэном общую подругу.

– Ты не видела Ро? – спросила я, чувствуя, как в сердце загорается искорка тревоги. Запасного плана у нас не было.

– Мммммм. – Она нахмурилась, как будто ответ требовал усиленного обдумывания.

«Желательно сегодня», – мысленно уточнила я.

– Слушайте, видела! – воскликнула она, словно на нее снизошло озарение. Этим вечером она явно пила алкоголь. Ее голос звучал непривычно слабо и тонко. – Да, точно! Он играл в пив-понг¹, и ему надирали задницу!

Меня накрыла волна облегчения.

¹ Игра, цель которой попасть мячиком для пинг-понга в стакан с пивом, стоящий на другом конце стола.

– Спасибо, Мэйс, – сказала я и поспешила вслед за Люком, который уже шагнул по направлению к соседней комнате.

Мы обнаружили Роуэна в столовой. Он танцевал брейк-данс. Когда мы вошли, он в буквальном смысле слова стоял на голове.

Я почувствовала, как застывший рядом со мной Люк напрягается всем телом. Видимо, у исчезновения Ро все-таки не было веских причин.

Но я все-таки вытащила телефон и сфотографировала, как он балансирует, стоя на голове. Не смогла удержаться.

Хотя мне было непривычно и неприятно видеть Ро пьяным вдрызг, упустить такую возможность я не могла. Мы с Ро придерживались мнения, что, если человеку не хватило ума, чтобы удержаться от безрассудного поступка, другие имели полное право заснять этот момент на долгую память. У Ро был снимок, на котором из моих глаз градом катятся слезы после того, как я на спор опустошила два пакетика острого соуса. Я сделала не меньше десятка фотографий, когда он покрасил волосы в зеленый на День сильных духом².

– Ты что, его сфотографировала, что ли? – спросил Люк, когда я засунула телефон обратно в карман. Я широко улыбнулась, и он недовольно покачал головой. Ну, если он еще не привык к нашим выходкам, то уже никогда не привыкнет.

Мы подошли к Ро, который все еще крутился на голове. Он резко остановился и уставился на нас.

² Ежегодный день осведомленности о ЛГБТ-сообществе.

– Вы зашли в мое пространство, – пожаловался он.

– Ты стоишь вверх ногами! – отозвалась я.

Тем не менее, когда мы с Люком помогли Ро вернуться в нормальное положение, тот выглядел не слишком смущенным. Он только обхватил голову руками, как будто комната все еще вращалась перед его глазами.

– Что, черт возьми, с тобой не так? – проговорил Люк, не повышая голоса.

– А с тобой? – Ро смерил его злым взглядом. Он был на несколько сантиметров выше своего старшего брата и при любой возможности напоминал об этом всем подряд.

– Так, все, успокойтесь, – произнесла я, становясь между ними.

В последний раз я видела драку между Ро и Люком, когда им было десять и одиннадцать лет соответственно. Я сомневалась, что Люк на такое пойдет, а вот взвинченного Роуэна стоило остановить как можно быстрее. Девиз Ро по жизни звучал так: сначала действуй, потом думай. Это касалось чего угодно, кроме ситуаций, непосредственно влиявших на его способность играть в теннис. Он ничем не дорожил так сильно, как своей стипендией и местом в команде. Именно поэтому мне было так тяжело и непривычно видеть его пьяным.

– Надевай обувь. Мы уходим, – прошипел Люк, и только тогда я заметила, что Ро, оказывается, стоит босиком.

К моему удивлению, Ро послушался. Добравшись до дру-

того конца комнаты, он надел кеды – может, свои, а может, чужие – и побрел к выходу из дома. Мы последовали за ним.

Пока мы с Люком пересекали подъездную дорожку и, поддерживая Ро с двух сторон, брели к тому месту, где припарковали машину, мы обсуждали, как лучше поступить с машиной Ро. Учитывая текущую ситуацию с парковкой, мы решили отложить решение этого вопроса на потом.

– Завтра покатается на автобусе, а потом сам ее заберет, – сказал Люк.

Одной рукой он придерживал Роуэна, а другой прижимал к уху телефон.

– Только, блин, не говори, что звонишь маме! – внезапно крикнул Ро. Я была готова поклясться, что его голос никогда в жизни не звучал так раздраженно и капризно.

– Роуэн, заткнись! – зашипела я. Люк наверняка слушал голосовое сообщение.

– Успокойся, черт возьми, или дальше пойдешь сам, – произнес Люк.

– Засранец, – пробормотал Ро, но сделал это едва слышно, из чего я заключила, что он понимает, насколько серьезен сейчас Люк.

После того как мы усадили Ро в машину, я забралась на пассажирское сиденье, и мы поехали к моему дому. Меня не было всего около часа, и, так как в телефоне не наблюдалось ни сообщений, ни пропущенных звонков, я не сомневалась, что родители по-прежнему крепко спят.

Ро тоже тихонько сопел на заднем сиденье.

Люк заглушил мотор у моего дома и, когда я уже выходила из машины, обернулся ко мне.

– Спасибо, Джей-Джей, – проговорил он тихим голосом, чтобы не разбудить брата.

Когда я услышала это прозвище, мое сердце забилось быстрее. Ребенком я ненавидела свое имя. Джесси Рамфилд.

Я ненавидела родителей за то, что они даже не потрудились назвать меня «Джессикой». Они были слишком заняты собой, а тут появилась я. Видимо, я стала для них такой неожиданностью, что им едва хватило сил сократить одно из самых затасканных женских имен в истории. Они даже не придумали для меня второе имя, которое обычно дают всем детям. Так что в младших классах я начала заставлять людей звать меня Джей-Джей.

Прозвище прижилось, а потом во мне проснулся здравый смысл. Я поняла, насколько глупо себя вела, и запретила окружающим использовать любые варианты, кроме Джесси. Люди, которые до этого пошли мне навстречу (а это были практически все, за исключением родителей), вернулись к изначальной форме моего имени. Все, но только не Люк.

Он продолжал иногда так меня называть.

Редко, но все же.

Не знаю, как мне не удалось выбить из него эту привычку – с моим новоприобретенным здравомыслием и вытекавшим из него презрением к выпендрежникам, которые заменяют

свои имена инициалами. Возможно, на самом деле не так-то мне этого и хотелось.

– Всегда рада, – сказала я от всего сердца.

Люк улыбнулся – он почувствовал, что я говорю от души, – а в следующее мгновение я уже захлопнула дверцу машины и побрела к своему дому.

Как и ожидалось, проблем с родителями не возникло, но мое сердце вдруг начало странно колотиться – это порой происходило, когда дело касалось Люка. Например, когда он удалил все песни со своего старого айпода, закачал на него кучу любимой джазовой музыки Мэл и подарил мне на Рождество. Или когда мне поставили брекетy, а он сказал, что моя улыбка «по-прежнему на десять баллов из десяти».

Я легла спать с мыслями о Люке, но следующее утро начала со слов Ро.

Прости за вчера... Если тебя это утешит, у меня раскалывается башка. Мама орала на меня целый час, а Люк говорит, ты сфотографировала, как я танцую брейк???

Я провела пальцем вниз по экрану и увидела еще одно сообщение.

Проснись проснись.

Проснулась. И что? – поинтересовалась я.

Злишься? – написал он буквально через пару секунд.

А потом прислал гифку с котенком, который блует неоновыми буквами, складывающимися в слово «ПРОСТИ».

Ну что, я прощен?

Да, конечно, – напечатала я в ответ. – Ты целое лето ведешь себя как козел, но теперь у меня есть гифка с котенком – значит, больше обижаться не на что .

Я только отложила телефон в сторону, как тот снова записал.

Это сарказм?

А как ты думаешь? – написала я.

Думаю, ты можешь сказать мне это в лицо .

Я не успела спросить, о чем это он, как услышала быстрый стук в окно. Сначала раз, потом второй.

Я подняла жалюзи и увидела лицо Ро, прижатое к стеклу. Он опасно балансировал на ступеньках длинной лестницы, которой папа пользовался, чтобы чистить водосток.

– Ро! – вскрикнула я. – Ты что, с ума сошел?

– Мне будет не с чего сходить, если я сейчас расшибу себе голову об асфальт. Пусти меня!

Я распахнула окно, и Ро бросил в меня какую-то маленькую белую коробочку, после чего ввалился в комнату сам, ударившись об пол. Он так и остался лежать на спине: глядел в потолок и пытался отдышаться.

– Ш-ш, – выдохнула я. – Родители уже проснулись.

– Черт возьми, – произнес он, тяжело дыша. – Напомни мне больше никогда так не делать.

Я опустила на пол рядом с ним и расхохоталась.

– Господи, ты такой идиот!

– Я пытался сделать широкий жест! – запротестовал Ро.

– Ну да, смерть – это довольно широкий жест.

Я открыла коробку, которую принес Ро. Там оказались две маленькие булочки с корицей из пекарни Мэл.

– Это тебе в качестве извинения, – сказал он. – За то, что в последнее время вел себя как козел.

– Ооо, Ро, – с умилением протянула я. На сердце тут же потеплело.

Вручив ему одну булочку, я взяла вторую себе. Она была липкая, сладкая и такая вкусная, что, когда я ее доела, вдруг поняла, что облизываю пальцы. Я прилегла на пол и тоже уставилась в потолок, чувствуя, как мое плечо касается плеча Ро.

– Расскажи мне что-нибудь хорошее, – прошептал Роуэн.

Я знала: он думает о болезни Мэл и о том, что эта новость заволокла пленкой печали всю нашу жизнь без остатка. Я понимала, что он просит меня отвлечь его от подобных мыслей.

Поразмыслив пару мгновений, я широко улыбнулась и сказала:

– У меня *действительно* есть фотография, где ты танцуешь брейк. Хочешь посмотреть?

Я потянулась к кровати за телефоном, нашла фото и сунула экран под нос Ро. Он застонал и оттолкнул мой мобильный от себя, но зато повернулся ко мне лицом.

– Теперь *ты* расскажи мне что-нибудь хорошее, – попро-

сила я.

– Когда я стану профессиональным теннисистом, – начал он, – я куплю маме самый дорогой дом во всем чертовом Винчестере. Она станет путешествовать по миру, чтобы побывать за меня на трибунах, и будет останавливаться в самых лучших гостиницах, а потом возвращаться в свой особняк. И работать она будет, только если захочет. Сможет нанять людей, чтобы они занимались всеми делами в пекарне.

Я сглотнула комок.

– Звучит идеально.

В этом был весь Ро. Мой лучший друг с широкой душой и смелыми мечтами.

– Наверное, и Люку надо будет что-то купить. Например, пожизненный запас комиксов и любые видеоигры на его выбор. – Потом он посмотрел на меня. – А ты что хочешь?

Он пихнул мою ногу своим кедом.

– Ну же, давай. Я тут выстраиваю прекрасный воздушный замок.

– Я хочу... – начала я и осеклась, почувствовав себя подурячки.

– Давай, говори, – подбодрил меня Ро. – Я подарю тебе что угодно.

– Я просто хочу, чтобы мой лучший друг был рядом.

Он снова перевел на меня взгляд, пристально всматриваясь в меня своими карими глазами.

– Он всегда с тобой.

Это был идеальный момент. Мы делили друг с другом все на свете и в то же время совершенно ничего. Ро извинился за то, как вел себя эти несколько недель. Он правда сделал широкий жест – залез ко мне в окно, принес булочку, – но все-таки так и не ответил на мои вопросы.

– Ро? – проговорила я. Мы лежали так близко друг к другу, что наши лбы почти соприкасались. – Почему ты выгнал меня тем вечером?

Роуэн тяжело вздохнул.

– Ты правда хочешь знать?

Я кивнула, морально готовясь к тому, что он скажет. Я раздражала их. Я ужасно надоела им всем, и они хотели от меня отдохнуть. Я понимала, что эти слова меня уничтожат, но, по крайней мере, тогда я бы знала, что происходит.

– Я не хотел, чтобы ты видела, как я плачу.

Я приподнялась на локте, пытаюсь осмыслить его ответ.

– Но в этом же нет никакой логики. Я уже видела, как ты плачешь.

Он пожал плечами.

– Я плохо соображал, понимаешь? – Все его лицо залила краска, и он избегал моего взгляда. – Тот вечер вообще был отстойным. Я понимал, что вот-вот потеряю над собой контроль и...

И он не хотел, чтобы я при этом присутствовала.

Я наконец услышала объяснение, которого ждала. Я чувствовала, что он сказал правду, но мне все равно казалось,

что между нами осталась какая-то трещина.

В тот вечер для Ро пошатнулся целый мир, и все же это был первый раз за всю нашу жизнь, когда мой лучший друг не хотел меня видеть.

СЕЙЧАС

Во второе воскресенье после выпускного (а это единственный выходной на моей неделе) я сижу за столом и завтракаю, когда мама выкладывает передо мной полоску образцов ткани. Мама 2.0 всегда занята и постоянно стоит перед важным выбором. Например, нужен ли нам новый набор столовых приборов или можно оставить тот, которым мы пользуемся последние десять лет. Я успела понять: если я испытываю особую нежность к каким-то домашним вещам, нужно говорить маме заранее, иначе можно прийти домой и узнать, что их у нас больше нет. Теперь за мамой не угнаться, и это одна из странностей, к которым оказалось сложнее всего привыкать.

– Что думаешь? Что не нравится? Что посоветуешь? – спрашивает она, пока я глазею на полоску образцов, лежащую передо мной.

– Они милые. Очень милые. Все до одного.

Она вздыхает.

– Джесси! Мне нужна твоя помощь, чтобы сузить выбор. Даже если ты просто закроешь глаза и ткнешь во что-нибудь

наугад.

Мне становится стыдно, что я не разделяю ее энтузиазма по поводу нового комплекта диванов для нашей гостиной. К тому же я вижу, что она это понимает, и мне становится еще хуже.

Я не закрываю глаза, но действительно тыкаю наугад в один из образцов – сероватый кусочек ткани.

Лицо мамы просветляется.

– Правда? Это как раз тот вариант, к которому я склонялась!

– Великие умы мыслят одинаково, – говорю я и несколько раз постукиваю пальцем по виску.

– Съездишь со мной в мебельный магазин, чтобы сделать заказ? – спрашивает она.

Одна задача, предложенная Мамой 2.0, обычно превращается в пять или шесть разных дел, поэтому я пытаюсь сразу же отделаться от этой идеи.

– Эээ, я не могу. Мне... нужно слушать подкаст. Который мне посоветовал Эрни.

Это ужасная отговорка – и не только потому, что Эрни не может отличить телефон от «этих ваших штук для записи музыки», несмотря на попытки внуков сделать из него самого продвинутого старика всех времени народов.

– Так мы можем послушать его в машине по дороге в магазин, – предлагает мама.

Я сдаюсь.

Во-первых, я это заслужила, придумав такую дурацкую отмазку. Во-вторых, мне и правда нечем заняться, а я уже успела понять, что нет ничего хуже тех дней, когда у меня есть время на размышления. В-третьих, мама старается изо всех сил. Я никак не могу привыкнуть к тому, что она занимается домашними делами, выходит из дома в магазин или в кафе, да и вообще куда угодно, помимо работы. Год назад – как и каждое лето на моей памяти – мама лежала в кровати и почти не двигалась. А теперь вот образцы мебели выбирает.

Это часть ее лечебной терапии. Маме нужно поменять окружение и избавиться от любых напоминаний о «дыре», в которой она провела последние восемнадцать лет своей жизни. Видимо, диван ей особенно неприятен.

– Сейчас, только оденусь, – говорю я, вставая из-за стола.

– А что не так с этой одеждой? – спрашивает она.

На мне джинсовые шорты и топ, в которых я спала ночью. Но раз они получают одобрение от Мамы 2.0, у меня к ним претензий нет и подавно.

– Хорошо, поехали.

Мы проходим мимо папы, который смотрит телевизор в гостиной. Кажется, он пытается провести со старой мебелью столько времени, сколько только можно. Видеть папу, лениво растянувшегося на диване воскресным утром, почти так же странно. Раньше, если у него было свободное от работы время, он ходил за покупками, или подстригал газон, или пытался уговорить маму съесть хотя бы что-нибудь.

– Не веселитесь там без меня, – кричит он нам вслед.

– Ты тоже! – отвечает мама, закрывая входную дверь, и обнимает меня за плечи. Мне кажется, еще чуть-чуть, и меня разорвет на части. Эти перемены в моей вселенной почти невыносимы. Теперь я живу с родителями, которые обмениваются веселыми репликами, покупают мебель и хотят проводить время со мной.

Я чувствую, как мое сердце наполняет надежда, но в то же время мне хочется плакать, потому что я понимаю, как много упустила за свою жизнь. Как только эта мысль приходит мне в голову, меня охватывает чувство вины. Я не могу сказать, что все это время жила без семьи.

Это не так.

Они не приходились мне родственниками, и все же мы были семьей. Хоть под конец нашей истории я и начала сомневаться в том, как они ко мне относились.

Мы проезжаем мимо того места, где раньше находилась кофейня Мэл, и я вдруг отчаянно хочу ощутить вкус кекса «Красный бархат», или булочки с корицей, или теста для печенья с шоколадной крошкой. Мне безумно хочется услышать голос Мэл, ее смех. Хочется обнять ее. Она всегда обнималась так самозабвенно, словно на одну чудесную минуту мы с ней сливались в одно существо.

– Я еще не говорила папе, – начинает мама, – но я думаю, что стулья в столовой тоже стоит поменять. Давай посмотрим, что есть в магазине?

Когда папа в первый раз пошутил, что мама выбрала самый дорогой способ выздоровления, я впервые позволила себе об этом подумать. О том, что мама правда может выздороветь. Даже больше того – что слово «*выздоровление*» вообще может к ней относиться.

– Конечно, – отвечаю я.

Какой бы непривычной и хрупкой ни казалась мне новая версия мамы, приятно осознавать, что ее волнует мое мнение. Что она *правда* хочет проводить со мной время. Это ненормально, но у меня появляется чувство, что Мэл снова рядом со мной. Именно благодаря ей я узнала, каково это, когда у тебя есть мама. Коэны научили меня, каково это, когда у тебя есть дом.

Следующий час мы проводим в мебельном магазине, внимательно рассматривая диваны и обсуждая, что лучше: кожа или ткань, полосы или однотонный цвет, дерево или стекло. Затем мы заезжаем в супермаркет, чтобы купить продукты для ужина.

Мы уже направляемся к кассе самообслуживания, когда мама вспоминает, что не взяла замороженные вафли. Я вызываюсь сходить за ними и оставляю ее одну в очереди. Она стоит за байкером – вся его кожа, не спрятанная под одеждой, покрыта татуировками – и заметно нервничает. Я иду к отделу полуфабрикатов, когда в кармане начинает вибрировать телефон.

Это СМС от Уиллоу.

Сегодня вечеринка у бассейна в доме Бэйли Марвин! Придешь?

Рефлекс срабатывает моментально, и вот я уже пишу наскоро придуманную отговорку:

Ой, я бы с радостью, но сегодня весь день помогаю маме! – когда наконец нахожу нужный отдел.

Но дай знать, если тебя нужно будет отвезти домой, – быстро добавляю я, прежде чем отправить сообщение.

Я представляю опасность для других покупателей – иду вперед, уставившись в телефон, и не смотрю по сторонам, – когда вдруг уголком глаза вижу его и замираю на месте. За какую-то долю секунды я замечаю все детали до единой. Его кудрявые черные волосы, широкие плечи, джинсы, истрепавшиеся по краям, словно он никогда их не снимает. Он выглядит старше и кажется усталым.

Когда наши взгляды встречаются, весь мир замирает. У троих людей, которых я любила больше всех на свете, совершенно одинаковые темно-карие глаза. Сейчас эти глаза кажутся мне другими. В них горят боль, злость и какая-то эмоция, которую я не могу разобрать. Он стоит в другом конце отдела и явно собирается развернуться и пойти в обратную сторону. Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, но слова не идут.

Я пытаюсь еще раз. Ничего не получается.

Наконец мои ноги начинают двигаться, не посоветовав-

шись с мозгом. Я выбегаю из отдела полуфабрикатов с пустыми руками.

Когда я становлюсь в очередь рядом с мамой, она бросает на меня непонимающий взгляд.

– А где вафли?

– Я...

– Джесси, что-то случилось? – спрашивает она и вслед за мной смотрит в ту сторону, откуда я только что пришла.

– Они закончились, – выдавливаю я еще одну секунду спустя.

– А, ну ладно, – неуверенно протягивает мама. Кажется, она пытается понять, почему я так расстроилась из-за того, что в супермаркете нет замороженных вафель. – Можем заехать в другой магазин по дороге домой.

Я еще раз оглядываюсь через плечо, как будто меня что-то преследует.

Я даже не надеюсь, что он пошел за мной. Так оно и есть. Разумеется, так оно и есть.

Я помогаю маме донести пакеты до машины. Все это время она говорит что-то про авокадо, которые мы купили со скидкой. Я пытаюсь слушать, но большая часть меня по-прежнему стоит в отделе полуфабрикатов напротив парня, который был для меня семьей, хоть никогда не приходился мне братом и не вполне мог называться другом.

Я знаю, что он постоянно возвращается в Винчестер, но вижу его впервые после похорон.

В мою голову приходят глупые мысли: «*Я одета как бомж*».

Банальные мысли: «*Он отрицивает бородку*».

Я стараюсь сосредоточиться на том, что сижу в машине с мамой, но мои уши раздражает какофония звуков.

А в моей памяти проигрывается один и тот же момент. Люк Коэн стоит посреди супермаркета и смотрит на меня так, как будто совершенно меня не знает.

ТОГДА

Мэл называла свою болезнь «Большим Злом». У нее была теория, что оно есть у каждого человека, независимо от того, известно нам о нем или нет. Еще она верила, что Большое Зло может измениться. Самая важная проблема в твоей жизни может со временем потерять свою зловерность.

Для мамы Большим Злом была депрессия, мешавшая ей хоть как-то функционировать. Для папы – то, что он не знал, как помочь маме или как стать двумя родителями сразу, и в результате похоронил себя в работе. Мэл говорила, что Большим Злом Люка была убежденность, что он должен сделать все на свете, только бы не стать таким, как его отец. А насчет Ро Мэл могла мне ничего не говорить; я и так знала, в чем его беда – он отчаянно хотел добиться своих целей. Играть в теннис в колледже, довести до совершенства свой и так уже почти идеальный удар справа, сделать так, чтобы его мама поправилась. Это отчаянье постепенно вытекало наружу и заставляло его кожу блестеть, а глаза – сверкать.

– А в чем мое Большое Зло? – снова и снова спрашивала я у Мэл. Я ждала ее ответа со страхом: вдруг она скажет,

что я никогда не найду место, которое смогу назвать домом, или что все, кого я люблю, рано или поздно от меня устанут. Теперь я знала, почему Ро выгнал меня, но за то время, что он уходил от ответа, кошмарное семечко сомнения успело прорасти в моей душе. И я до сих пор задавалась вопросом: что, если я на самом деле ужасный человек? Что, если из-за этого родной дом навсегда останется лишь моей фантазией – осуществимой для других, но не для меня?

Но Мэл не хотела говорить мне, в чем заключается мое Большое Зло.

– Узнаешь, когда узнаешь, – настаивала она.

Я так и не могла понять: она знает, но не хочет говорить, или у нее самой пока нет ответа? Вероятно, первое. Мэл могла заглянуть тебе в глаза и разглядеть твою душу. Она могла послушать, как ты болтаешь о мелочах, и узнать мечты, о которых ты ни за что не сказал бы вслух. Она видела сущность людей, как гадалки видят будущее в чайных листьях. Она знала меня как никто другой.

Так что она, конечно же, догадалась о моем отношении к Люку.

Я начала что-то подозревать летом между седьмым и восьмым классами, в день, когда мы пошли на ярмарку. «Ярмарка Конца Лета» соответствовала своему названию и проходила в Винчестере в последние дни августа. Она открывалась всего в паре кварталов от пекарни, поэтому тем утром мы с Ро и Люком пошли туда пешком, пока Мэл осталась рабо-

тать. Время тянулось медленно, а воздух казался липким от жары, влаги и запаха жарящихся на огне сосисок. Мне уже было тринадцать лет, и мысль о бесконечных аттракционах и карамельном попкорне больше не казалась такой привлекательной. Но Люк умудрился перейти на какой-то новый уровень скуки – большую часть времени он плелся за нами с Ро спинами и не вылезал из телефона, как будто его приговорили к изощренной пытке, на целый день оторвав от уравнений и научных формул. Не то чтобы я его осуждала. Я сама больше всего на свете хотела вернуться в пекарню, где царило спокойствие и работал кондиционер, и попытаться выпросить у Мэл что-нибудь вкусненькое. Но у Роуэна был целый список аттракционов, на которые он хотел попасть, а Мэл сказала, что мы и так все лето просидели дома, поэтому мы проявляли мужество и терпели.

Когда мы начали собираться обратно в «Росас», я уже была готова назвать этот день ничем не примечательным. Пока Люк вдруг не исчез на несколько минут и не вернулся с маленьким белым мишкой в руках.

– Вот, – проговорил он, протягивая мне игрушку.

– А мне? – возмутился Ро и попытался ее выхватить, но Люк отвел руку, так чтобы тот не смог дотянуться.

– Ты его выиграл? – ошарашенно спросила я, взяв медведя в ладони.

– Купил.

Люк произнес эти слова так, словно не придавал случив-

шемую большого значения. Словно он каждый день покупал мне медведей на ярмарках. Но для меня это было нечто невероятное. Люк сделал мне подарок – в первый раз в жизни не на праздник, а просто так. Я не сомневалась: это что-то да значит.

Ро предпринял еще одну попытку завладеть игрушкой, но я спрятала ее за спиной. Я собиралась никогда не выпускать ее из рук – насколько это было возможно.

– Спасибо, – застенчиво прошептала я Люку.

Он пожал плечами и вернулся к телефонной игре.

Через несколько минут мы зашли в пекарню. Я все еще была на седьмом небе от счастья.

– Ну как все прошло? – спросила Мэл.

Ро принялся пересказывать ей события дня, описывая все аттракционы, на которых мы покатались, и все конкурсы, в которых проиграли. Я то и дело вставляла комментарии, но главным образом витала в облаках.

Господи, Люк подарил мне мягкую игрушку.

Парни делали такие подарки своим девушкам на свиданиях.

А потом Мэл стала закрывать магазин. И тут я увидела, как Люк достал из кармана сдачу и протянул ее маме. Мэл что-то ему прошептала, а когда он кивнул, похлопала его по спине. И я сразу же поняла, какая я дуручка.

Люк купил мне игрушку по просьбе Мэл. Этот жест не был ни романтичным, ни спонтанным – он был совершенно

не таким, каким казался мне еще пару секунд назад. Это была всего лишь подачка. Люк поступил так только потому, что его заставила мать.

– Готовы уходить? – спросила Мэл, бросив взгляд на нас с Ро. Я кивнула и потащила след за ними, чувствуя себя маленькой и незначительной.

Тогда-то я и начала подозревать, что Мэл знает, как я отношусь к Люку.

Заходя в дом Коэнов четыре года спустя, я ни секунды в этом не сомневалась. Мэл с Наоми сидели в гостиной, смотрели телевизор и хохотали над какой-то шуткой, которую я не успела услышать. Сидни лежала у ног Мэл, свернувшись в клубок.

Мэл закончила первый месяц лечения два дня назад. За это время мы еще не успели увидеться, поэтому после занятий в летней школе я на автобусе доехала до улицы, где жили Коэны, и купила вкусняшек, чтобы отпраздновать. Ничего особенного – обычные рисовые пирожные и соленый крекер, – потому что только они не вызывали у Мэл тошноту.

После того как Ро рассказал мне правду о том вечере, я снова начала ходить к Мэл при любой возможности. Не каждый день, потому что я по-прежнему боялась ей надоест, но достаточно часто, чтобы она понимала, как важна для меня.

– О, Джесси, девочка моя! Пожалуйста, скажи, что в этом пакете лежит еда, – воскликнула Мэл, тоскливо глядя на пакет, который я держала в руках.

Я достала рисовые пирожные, и она запищала от радости. Запищала – в прямом смысле этого слова.

Я нахмурилась, переводя взгляд с Мэл на Наоми. Наоми, славившаяся тем, что вечно пребывала в плохом настроении, встретила меня лучезарной улыбкой.

– Вы тут напились, что ли? – поинтересовалась я.

– Напились? – обиженно переспросила Наоми. – Это что еще за вопрос такой?

Я подошла к ним на шаг ближе и ахнула.

– Вы что, под кайфом?

– От жизни! – захихикала Мэл. – Ничего особенного!

– Ничего особенного, – отозвалась Наоми, и они снова расхохотались.

Я не могла поверить своим ушам. Покачав головой, я пошла на кухню за тарелками и арахисовой пастой. Пока я была там, ко мне подошла Сидни, и я отложила все, что держала в руках, чтобы с ней поиграть. У нас были свои маленькие забавы. Особенно мы любили вальс: Сидни становилась на задние лапы, а я брала ее за передние и делала вид, что мы танцуем. Еще ей нравилось, когда я притворялась мертвой: я замирала, лежа на полу, а она начинала лихорадочно бегать вокруг и вылизывать меня, чтобы вернуть к жизни. Я каждый раз пыталась не выходить из образа, но мне хватало всего пары секунд, чтобы начать хихикать от щекочущих и мокрых прикосновений ее языка. В тот день я опустилась на колени, чтобы мое лицо было на уровне с ее мордочкой, и

она тут же принялась его лизать.

– Привет, красавица! – воскликнула я тонким голосом, которым говорила только с ней одной. – Тебе не кажется, что Нэй и Мэл съехали с катушек? О да! Они меня тоже пугают!

Пока я говорила, Сидни лизнула мне верхнюю губу. Я отдернула голову и захохотала. Возможно, мы слишком часто играли, но, похоже, Сидни решила, что искусственное дыхание рот в рот – ее призвание. Мэл шутила (не слишком-то удачно), что Сидни научила нас троих французским поцелуям.

– Я тоже люблю тебя, девочка моя! – проговорила я сквозь смех. – Но не в этом смысле.

Я вытерла губы о воротник рубашки, помыла руки и снова взяла вещи, за которыми и пришла на кухню.

– Ну, рассказывай: к которому из моих сыновей ты сегодня пришла в гости? – крикнула Мэл, когда мы с Сидни вернулись в комнату.

– Я пришла к тебе!

– Я была уверена, что она назовет Люка, – громким шепотом произнесла Наоми.

– Прямо у меня с языка сняла! – воскликнула Мэл и подвинулась, чтобы я могла присесть рядом.

– Пфф, – выдавила я, опускаясь на диван и пытаюсь сохранить безразличное выражение лица. – О чем вы вообще? Вы себя сегодня странно ведете.

– Ой, прости, – сказала Мэл. – Я думала, мы тут говорим

про трех подростков. Я вас безумно люблю, но это у вас все странно.

Мэл и Наоми продолжили веселиться, налегая на рисовые пирожные, а я бросала на них мрачные взгляды. Что она хотела этим сказать?

Если бы не Наоми, я бы, вероятно, заставила Мэл объяснить свои слова. Но я совершенно не была готова к тому, что кто-то из них вслух произнесет правду, в которой я никогда никому не признавалась — я влюблена в Люка. Тогда они захохотут еще сильнее.

Мне нравилась Наоми, но она порой заставляла проявляться ту сторону Мэл, которую я любила значительно меньше всех остальных.

К счастью, я знала наверняка, что Люка и Ро дома нет — в это время они оба работали. Мне оставалось делать вид, что я не придаю случившемуся большого значения. Впадать в истерику и привлекать к себе излишнее внимание явно не стоило. Тем не менее весь остаток дня я чувствовала себя бутылкой газировки, готовой взорваться после того, как ее сильно встряхнули. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что именно в поведении Мэл и Наоми так сильно меня расстроило. Я смогла это сформулировать, только когда вернулась домой: они посмеялись над моими чувствами к Люку, словно это была просто детская влюбленность. Вряд ли они сделали это специально, но все-таки их слова причинили мне боль. Вероятно, они были правы, и я

действительно понятия не имела, что значит любить. Но все-таки мне отчаянно хотелось оправдаться, объяснив им, что мое отношение к Люку не было ни легкомысленным, ни поверхностным.

Я никогда никому не говорила, что мне нравится Люк. Я вдруг поняла: мне необходимо снять этот груз с плеч и выразить словами, каково это – тайно любить человека, которого знаешь почти всю свою жизнь. В обычных обстоятельствах идеальным кандидатом на роль поверенного лица была бы Мэл. Если бы оставалась хоть какая-то вероятность застать Мэл в одиночестве и не под кайфом, я бы тут же вышла из автобуса и побежала обратно к ее дому. Но в нынешней ситуации – едва ли не первый раз в моей жизни – я не могла обратиться к Мэл.

Поэтому я сделала то, чего никогда раньше не делала.

Вернувшись домой, я прошла мимо папы, заполнявшего бумаги для клиники за обеденным столом, и поднялась в комнату родителей. Я постучала в дверь и, не услышав ответа, открыла ее и осторожно прокралась внутрь. На удивление, шторы были раздвинуты (явно дело рук папы), но мама все равно крепко спала, спасаясь от света с помощью атласной маски.

Я присела на ковер рядом с изножьем кровати и подтянула колени к груди, прислушиваясь к ровному ритму маминого дыхания. А потом заговорила.

Я рассказала ей обо всем, что долгие годы хранила в себе.

Я рассказала ей все на свете о мальчике, который был моей первой настоящей любовью: о Люке Коэне.

СЕЙЧАС

Я не могу стереть из памяти его лицо.

Генеральная уборка комнаты не помогает. Пробежка под обжигающим полуденным солнцем тоже. Даже наоборот – теперь у меня начинаются галлюцинации. Я вижу его в машинах, за деревьями и всюду, куда падает мой взгляд.

Моей голове приходится не лучше, чем глазам: в ней бьются оглушительные, тревожные, печальные мысли.

Наконец, осознав, что другими способами отвлечься не удастся, я звоню Уиллоу и соглашаюсь поехать с ней на вечеринку Бэйли. Я рискую, потому что там могут быть люди, которых я не хочу видеть. Например, Эрик Лэрнер.

Но еще я знаю, кто точно туда не пойдет, поскольку он старше меня на год и не общается с компанией Бэйли, – Люк. И этого для меня достаточно.

– Ура, ты отлично повеселишься! – восклицает Уиллоу, садясь на пассажирское сиденье моей машины вечером того же дня.

Уиллоу – высокая брюнетка с яркими глазами и еще более яркими перспективами. Она живет в огромном особняке, построенном в староанглийском стиле, который стоит всего в паре минут езды от моего дома, поэтому мы планируем до-

браться до коттеджа Бэйли вместе и уже там встретить Брэтта – парня Уиллоу.

– Пристегивайся, – требую я и выжидающе смотрю на нее.

– Секунду, – говорит она, поднимая телефон и направляя селфи-камеру на свое лицо. Она уже достаточно хорошо меня знает, поэтому даже не спрашивает, хочу ли я сфотографироваться вместе с ней, но я все-таки отодвигаюсь подальше, чтобы точно не попасть в кадр.

Она стучит пальцем по экрану, и тут же раздается оповещение. Вот и первый из сотен лайков, которые она соберет. Уиллоу из тех людей, которых называют «интернет-знаменитостями». Ее видео собирают сотни тысяч просмотров, компании отправляют ей всевозможную продукцию в надежде, что та попадет в один из ее постов, а недавно несколько особенно преданных подписчиков начали продавать футболки с избранными цитатами из ее блога. Самая популярная – *«держитесь за руки, а не за старые обиды»*. Но несмотря на то что Уиллоу умудрилась создать в соцсетях целую империю, она остается добрейшим человеком из ныне живущих.

– Я так рада, что ты решила пойти, – сказала Уиллоу, наконец пристегнув ремень безопасности. – Почему передумала?

Я завожу машину.

– Дома жутко скучно.

– Понятно, – отзывается она. Кажется, мой ответ ее не убедил.

– Серьезно.

– Нет, я тебе верю. Я бы тоже страдала от скуки, если бы почти каждый день проводила с дедушкой, который даже не приходится мне родственником.

Я специалист по проведению времени с людьми, которые не приходятся мне родственниками. Однако мы с Уиллоу редко обсуждаем то, какой была моя жизнь до ее переезда, поэтому она об этом не знает.

– На самом деле он очень милый, – говорю я в защиту Эрни.

Хотя Уиллоу замечательный человек, как и большинство восемнадцатилетних подростков, она предпочитает проводить время со своими ровесниками. Видимо, по этой причине ей так не нравится работать в культурно-спортивном центре, где нам в основном приходится иметь дело с детьми. Папа Уиллоу не догадывается о ее насыщенной интернет-жизни и о деньгах, которые она зарабатывает на просмотрах, поэтому он заставил ее найти работу, считая, что она должна узнать цену усердному труду, а не полагаться на миллионы отца.

– Вообще, это не такая уж и плохая работа. Если бы только они убрали из расписания все эти занятия наукой и спортом и разрешили мне рассказывать о том, в чем я разбираюсь, – размышляет она, когда разговор заходит о работе. – Например, я могла бы давать уроки макияжа или советы, как поднять самооценку. Мы бы назвали это развитием жизнен-

ных навыков или чем-нибудь в этом духе! Если бы на этом важном жизненном этапе у меня был доступ к знаниям экспертов, я бы сейчас была совершенно другой.

В ее голосе звучит такое сожаление, что я не могу не рассмеяться.

– Эээ, мне кажется, ты и так очень даже ничего.

– Господи, Джесси. Если бы ты знала, какой я была пару лет назад, – говорит Уиллоу и заглядывает в зеркало, чтобы подкрасить губы блеском.

Я думаю: *«Если бы ты только знала, какой была я»*.

– Когда-нибудь я расскажу тебе о своем преображении, – обещает она.

Ее даже с натяжкой нельзя посчитать уродливой, поэтому я сомневаюсь, что «преображение» Уиллоу хоть чем-то напоминает обычную историю превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя, но вслух ничего не говорю.

Мы подъезжаем к дому Бэйли, расположенному в самом конце улицы. Я уже бывала здесь пару раз – в одиннадцать лет, когда она собирала на день рождения всех девочек в классе, и какое-то время спустя, когда мы с Бэйли и Роуэном вместе писали какой-то проект.

От этого воспоминания в груди начинает привычно ныть, но я заставляю свой мозг сосредоточиться на чем-нибудь другом. *«Сегодня никаких Коэнов»*, – приказываю я себе.

Припарковав машину, мы обходим дом Бэйли и оказываемся на заднем дворе, где и проходит вечеринка. Несколько

человек уже залезли в бассейн, другие ходят по двору в куртках и с напитками в руках.

– Уиллз, у тебя получилось прийти! – восклицает Бэйли и хватается Уиллоу за руку.

Они заключают друг друга в объятия, словно давние подруги, хотя я знаю Бэйли дольше, чем Уиллоу живет в этом штате.

– Привет, Джесси, – говорит Бэйли.

Кажется, она не ожидала меня здесь увидеть. Тем не менее она искренне мне улыбается и ведет нас к раскладному столику, на котором стоит морозильный ящик, наполненный жестяными банками и стеклянными бутылками.

– Что будешь пить? – спрашивает меня Уиллоу, засовывая в него руку.

– А газировка есть?

– Да, конечно, – кивает Бэйли. – Дома, в холодильнике. Сейчас схожу и принесу пару банок.

– Хочешь, я помогу? – предлагаю я.

– Не надо, я справлюсь, – говорит Бэйли и скрывается за дверью.

Когда она уходит, Уиллоу поворачивается ко мне.

– Ты не будешь пить? Ты же вроде говорила, что готова отрываться по полной?

– Я не совсем так говорила, – поправляю ее я.

– Ну, смысл был такой.

– Я же за рулем, – отмечаю я.

– Ты за него сядешь *не раньше* чем часа через три. Одно пиво тебя не убьет, – говорит она. – Или я могу уговорить Брэтта сегодня не пить, тогда он развезет нас по домам.

– Мне хорошо и с газировкой, – настаиваю я и задумываюсь, почему вообще решила, что прийти сюда будет хорошей идеей. К счастью, в этот момент появляется Брэтт и тут же обнимает Уиллоу за талию.

– Я слышал, ты называла мое имя, – говорит он и смачно целует Уиллоу в щеку. Она хихикает.

– Фу, ты весь мокрый.

– А ты слишком сухая, – парирует он.

– И это совершенно логично, учитывая, что я еще не залезла в бассейн, – с невозмутимым видом отвечает она.

– Привет, Джесси, – здоровается со мной Брэтт.

Брэтт младше нас на один год: этой осенью он переходит в выпускной класс. Как по мне, он слегка страдает от избытка самолюбия, но со мной он всегда общается хорошо. В школе он не занимается никакими видами спорта, кроме футбола, что тоже идет в плюс. Да, я учу детей теннису, но в этом году моей основной работой стало избегать парней из теннисной команды.

– Привет, – отзываюсь я.

– Оой, я же обещала выложить фотки с вечеринки, – вспоминает Уиллоу и прижимает Брэтта к себе, чтобы сделать селфи.

– Да, это мысль, – соглашается Брэтт. – У моей горячей

девушки такое платье, что всем нужно его увидеть!

– Ооо, – умиляется Уиллоу и чмокает его в щеку.

– Давайте я сфотографирую, – вызываюсь я.

Уиллоу вручает мне телефон, и я отхожу на несколько шагов назад, чтобы сделать снимок. Они прижимаются друг к другу и выглядят до тошноты очаровательно.

По сравнению с другими вечеринками эта проходит относительно спокойно. Музыка играет не слишком громко, а гости не чересчур налегают на алкоголь, и это одновременно хорошо и плохо. Хорошо, потому что безумные вечеринки – совсем не мое, а плохо, потому что здесь недостаточно шума, чтобы успокоить мои мысли. И все же мне приятно проводить время с Брэттом и Уиллоу, а им хватает вежливости не жаловаться на то, что я играю роль третьего колеса.

А потом все меняется.

Как водится у спортсменов, они приходят толпой. Почти все пьяны в хлам. Когда я вижу Эрика Лэрнера, у меня сжимается желудок. Я знала, что иду на риск, надеясь не встретить его на вечеринке. Но его не было на работе всю неделю, поэтому мне казалось, что шансы достаточно велики.

– Бэйлз! – кричит Эрик, как только видит Бэйли, а потом обнимает ее и приподнимает над землей. – Оранжевый тебе очень идет.

– Заткнись, Эрик, – одергивает его Бэйли, но при этом улыбается.

Отпустив Бэйли, Эрик идет к Брэтту и Уиллоу; остальные

следуют за ним. Они тут же начинают смеяться и наперебой что-то рассказывать. Я пытаюсь отойти в тень, чувствуя себя при этом очень глупо. Мы с Брэттом, Уиллоу и Эриком работаем вместе. Давно пора придумать стратегию получше, чем пытаться слиться с окружением и надеяться на лучшее.

К счастью, внимание Эрика направлено на что угодно, кроме меня.

Он показывает свой любимый фокус: вытягивает руки перед собой, чтобы все могли увидеть, насколько его правая – преобладающая – рука сильнее левой. Потом переходит к другому излюбленному приему и начинает демонстрировать мозоли на пальцах и ладони, натертые ракеткой.

Эрик собирается учиться в Иллинойском университете по стипендиальной программе и постоянно напоминает об этом всем вокруг. Последние несколько лет они с Ро соперничали за одни и те же стипендии и титулы. Если не считать тех моментов, когда они выражали друг другу сочувствие по поводу свирепости их общего тренера, они вечно пребывали в состоянии яростного (и по большей части дружеского) соперничества. Я думаю, если не считать меня и мамы с братом, Ро проводил больше всего времени именно с Эриком.

Эндрю – еще один парень из теннисной команды – начинает болтать с Уиллоу.

– Уиллз, ты почему еще не в бассейне? Я слышал, ты можешь задержать дыхание и не выныривать из воды целую минуту. Можешь поделиться – этими, как их там – лайфхака-

ми?

Уиллоу закатывает глаза и никак не реагирует на его слова, но во взгляде Брэтта вспыхивает раздражение.

Эндрю не унимается и пробует еще раз.

– Научи меня своим приемчикам.

– Не буду я тебя ничему учить, – говорит Уиллоу.

– Братан, ты к ней лучше не лезь...

Какой-то парень – кажется, одиннадцатиклассник – хлопает Эндрю по спине, но тот слишком пьян, чтобы смущаться. Он лишь смеется, и все вокруг начинают смеяться с ним (или над ним).

– Ты бы лучше к Джесси подкатил, – вставляет Эрик. Услышав свое имя, я замираю и пытаюсь не реагировать на слова, которые он произносит дальше. – Все знают, что она та еще шлюшка.

Но я все равно реагирую так, как он и рассчитывал. Я подаюсь назад.

Все стоящие рядом моментально замолкают. Наконец Уиллоу бьет его по плечу и говорит:

– Эрик, какого черта?

Даже все эти месяцы спустя слова Эрика все еще способны ее шокировать.

– Да, братан, ты ведешь себя не круто, – поддерживает ее Брэтт.

– Отвали, Эрик, – говорю я.

Смущение змеей обвивается вокруг моего тела, но я за-

ставляю себя посмотреть Эрику в глаза. Очень мило, что Брэтт и Уиллоу за меня заступились, но я сама прекрасно могу объяснить ему, на сколько букв ему стоит пойти.

Не то чтобы эта способность сильно мне помогает.

– Отличная идея, Рамфилд, но, думаю, я откажусь.

Напряженность сгущается настолько, что ее можно резать ножом.

– Как ты это пьешь? – ни с того ни с сего спрашивает Эндрю, указывая на мою газировку. – На вкус как моча.

Видимо, он хочет снизить эмоциональный накал смешной шуткой. По его мнению, я, наверное, должна улыбнуться и сказать что-то забавное в ответ, но я ему не подыгрываю. Выясняется, что я сама прекрасно могу делать кое-что еще: чувствовать себя как дерьмо. Эрику даже не надо меня к этому подталкивать.

Поэтому я разворачиваюсь и ухожу, по пути выкинув недопитую банку в мусорку рядом со столиком с напитками. Я слышу, как Уиллоу кого-то отчитывает, а потом бежит за мной через весь двор.

– Джесси, ты как? Можем уехать прямо сейчас, если хочешь.

– Все нормально. – Я закатываю глаза, притворяясь, что слова Эрика вызвали во мне лишь легкое раздражение. – Я просто посижу в машине, пока ты не соберешься домой. Не хочу, чтобы ты из-за меня так рано уходила.

Уиллоу берет меня под локоть.

– Как будто я сама хочу тусить с этими придурками!

– Уиллз... – я хочу ее переубедить, но она не дает мне закончить. Она уже ведет меня к воротам, а потом поворачивает за угол коттеджа, направляясь к тому месту, где мы оставили машину.

– Извини, пожалуйста, – повторяю я третий раз, останавливаясь возле ее дома.

– Можно задать тебе вопрос? – спрашивает она, склоняя голову набок.

– Да, конечно.

– Зачем он это делает? Говорит такое...

Я смотрю на дом Уиллоу сквозь ветровое стекло.

– Мы никогда не ладили. А знакомы мы с самого детства.

– Да, но он все время стремится тебя задеть. И делает это с такой злобой.

Я пожимаю плечами.

– Просто у него такой характер.

Я выдавливаю из себя улыбку, но Уиллоу явно мне не верит. Если бы она знала о том, что произошло прошлым летом, она, наверное, тоже стала бы меня ненавидеть. Но она не знает, а потому наклоняется ко мне и заключает в объятия.

– Подумай вот о чем: лето скоро закончится, и ты больше никогда не увидишь этого Эрика.

– Да, точно, – соглашаюсь я, хотя это не совсем так. Мы живем в маленьком городке, и, хотя все думают, что после школы уедут отсюда навсегда, на самом деле они будут воз-

вращаться. Пусть ненадолго – в гости к родственникам или на праздники, – но все-таки.

А я даже никуда и не уезжаю.

Уиллоу выходит из машины и машет мне рукой.

По дороге домой я стараюсь забыть о дурацких словах Эрика, но мне это не удается. Дело даже не в том, что он произнес их при всех или что он делает подобные выпады уже не один месяц и явно не собирается останавливаться. На самом деле где-то глубоко я знаю, что он прав в своем отношении ко мне.

Я плохой человек, хоть я и всеми силами пытаюсь это исправить.

Слишком многое уже нельзя изменить.

Подъезжая к своему дому, я замечаю, что напротив него, на обочине, стоит какая-то машина. Она серебристого цвета, и мне кажется, что я уже где-то ее видела.

Когда я выхожу из машины, я вдруг понимаю, что это тот же автомобиль, который стоял у дома Коэнов, когда я проезжала мимо. И что сейчас из него выйдет Люк.

Я застываю на месте, а он идет ко мне через дорогу.

Мое сердце отбивает в груди бешеный ритм. Люк все приближается, и вот он уже стоит передо мной. В лунном свете кажется, что его волосы светятся.

– Я пытался до тебя дозвониться, – без предисловий говорит он. – Не знал, дома ли ты.

Мне нужно несколько мгновений, чтобы собраться с си-

лами и пробормотать:

– Я не видела... не смотрела на телефон.

Я не свожу с него глаз, и на меня лавиной обрушиваются все произошедшие в нем перемены. Его взгляд теперь кажется хмурым, голос звучит холодно. На подбородке проступает короткая щетина.

– Люк, – начинаю я, но он меня перебивает.

– Она хочет тебя видеть, – говорит он.

И я сразу понимаю, кого он имеет в виду.

Мэл.

Мэл хочет меня видеть.

В моей голове роятся тысячи вопросов, но я выдавливаю из себя лишь один.

– Когда?

– Завтра? – предлагает Люк, и я киваю.

Еще секунду он смотрит на меня, а затем разворачивается и идет обратно к машине.

Он уезжает, а я остаюсь стоять на дороге. Мне хочется позвать его, поехать вслед за ним и снова оказаться в том месте, которое раньше было для меня домом.

ТОГДА

Если пересчитать все секреты, которые я рассказала в доме Коэнов, можно подумать, что я там жила. Как-то, когда я была в пятом классе, мы с Мэл убিরались в гараже, и я сообщила ей, что у меня начались месячные. Тринадцатилетняя, я поведала Мэл о своем первом поцелуе – с Каллэмом Тернером, – пока мы с ней танцевали в гостиной под песни Эми Уайнхаус. Мы с Люком и Ро бегали по газону между разбрызгивателей, когда я поделилась с ними тем, что увидела, как папа тайком курит у дома. Мы с Ро сидели в сарае, когда я рассказала, что депрессия моей мамы началась после того, как она родила меня.

Шла четвертая неделя летней школы. Мы с Мэл сидели на кухне, когда я наконец призналась ей и себе, что у меня проблемы с матанализом.

– Как же так? Это потому что ты слишком много времени проводишь здесь? – спросила Мэл. – Я же тебе говорила: хватит за мной ухаживать. Я в порядке!

– Нет, дело не в этом. Я просто тупая, – расписалась я в своем поражении, просеивая муку в чашу для миксера.

– Знаешь, что можно назвать тупым? Углы больше девяноста градусов и правительство, которое не борется с глобальным потеплением, – заявила Мэл. – Ты *не* тупая.

– Я просто могу заново взять курс по матанализу осенью и бросить один из предметов на выбор.

Мэл перестала взбивать яйца с сахаром и маслом и задумчиво нахмурилась. Ее лицо было бледнее обычного, а над верхней губой выступила капелька пота. Я предлагала ей поваляться на диване и посмотреть телевизор, вместо того чтобы готовить, но она отказалась. Она как будто поставила себе цель доказать, что является единственным человеком на свете, у которого от облучения радиацией возникают не тошнота и усталость, а рвение к активной деятельности и удвоенная энергия. Она играла свою маленькую роль передо мной и своими сыновьями, но ей не удавалось обмануть ни одного из нас.

– Давай отдохнем? – предложила я, но она не обратила на мои слова внимания.

– Ты *можешь* заново взять матанализ осенью, – проговорила она. – *Или* ты можешь найти человека, который отлично разбирается в математике, имеет достаточно времени, чтобы давать уроки, и не запросит у тебя за них бешеных денег.

Я сразу поняла, к чему она ведет, и моментально пожалела, что заговорила с ней про школьные неудачи. Я так привыкла делиться с Мэл всеми подробностями своей жизни, что мне даже в голову не пришло, что лучше держать рот на

замке.

– Мне, наверное, просто надо больше заниматься, – сказала я, пытаюсь вернуть разговор в обычное русло.

– Наверное, надо, – кивнула она и тут же продолжила. – С другой стороны, у занятий с репетитором есть определенные преимущества. Это может быть человек, который живет неподалеку отсюда и имеет опыт работы с учениками. Еще может оказаться, что он не против, чтобы ему платили комиксами. И у него рост около метра восьмидесяти. Или не стоит рисовать настолько подробный портрет?

– Мэл, – вздохнула я. – Он не захочет со мной заниматься.

– Он тебе это говорил?

– Ну нет, – признала я. – Но у него уже и так есть работа. А еще дело ведь не в том, что я не поняла пару тем. Я вообще не разбираюсь в этом предмете.

– Складывается впечатление, что тебе нужен репетитор, – самодовольно произнесла она.

– Только не *этого* репетитора.

– А почему нет? – с вызовом спросила она и снова принялась взбивать яичную смесь.

Я пристально поглядела на нее, пытаюсь понять, зачем она это делает.

Мои чувства к Люку были одной из немногих тем, которые мы ни разу открыто не обсуждали, и после того странного дня, когда Мэл с Наоми долго смеялись, я думала, что это вряд ли изменится. Мэл никогда не делала ничего, чтобы

оттолкнуть меня от Люка, но в то же время никогда и не помогала. Если не считать того плюшевого мишку с ярмарки. Или его стоило считать?

Стоило мне на секунду отвлечься, и мука полетела мне в нос. Я замахала рукой, чтобы разогнать это мучное облачко.

– Почему это обязательно должен быть Люк? – поинтересовалась я, впервые за весь разговор назвав его по имени.

– Да ты что? Ты его имела в виду? Люка? *Моего* Люка?

Сегодня она была в настроении поиграть на публику.

Я закатила глаза, и Мэл захихикала.

– А почему это обязательно должен быть не Люк?

Потому что он однозначно был самым умным человеком, которого я знала. Когда мы познакомились, ему было восемь лет, и он носил очки. С того самого момента я всегда помнила, что он знает множество вещей, о которых я не имею ни малейшего представления. Например, что такое круговорот воды в природе, как выглядят личинки жуков, и почему гром никогда не бывает без молнии.

– Не хочу выглядеть перед ним глупо, – призналась я.

Лицо Мэл тут же приняло серьезное выражение. Она взяла меня за подбородок, чтобы я посмотрела ей в глаза, а потом большим пальцем стерла что-то с кончика моего носа – наверное, муку.

– Если ты не разбираешься в чем-то идеально, это не делает тебя глупой. Это делает тебя человеком.

Пока мы росли, Мэл почти не ругала нас за грубые слова,

но «глупый» было одним из немногих исключений.

– Хорошо, в таком случае, я не хочу казаться *невежественной*.

Мэл вздохнула.

– Если человек знает тебя и считает невежественной, то он глупый.

Разделавшись с мукой, я залезла на один из кухонных столиков и стала наблюдать, как Мэл продолжает готовить.

– Мама всегда так говорят, даже если это неправда, – сказала я.

– Но только своим детям, – возразила Мэл. – Так что тебе я могу говорить такое абсолютно честно.

Я рассмеялась.

– А Ро и Люку – нет?

Когда мы с Мэл только познакомились, она сразу же понравилась мне за то, что почти никогда не проводила границы между мной и своими сыновьями. Она называла нас троих «ребятами» или «бандой». Любое напоминание о том, что я не была частью их семьи, казалось мне ударом в живот, и Мэл, словно зная об этом, всегда тщательно выбирала слова. Она не обращала внимания на то, что у нас разный цвет кожи, и как будто не видела странных взглядов, которые кидали на нас жители Винчестера – не самого разнообразного по национальному составу города. Хоть мы и не были родственниками генетически, это не играло никакой роли. Даже наоборот: то, что я не была ребенком Мэл, *делало* меня осо-

бенной. Она выбрала меня. Ро даже иногда в шутку называл меня «избранной».

Теперь уже улыбнулась Мэл.

– Я имею право хранить молчание. Значит, договорились? Люк будет давать тебе уроки.

Я вздохнула.

– А что, если он откажется?

– А кто говорил, что его кто-то будет спрашивать? – поинтересовалась Мэл. – Если я его попрошу, то получится, что мама заставляет его работать, бла-бла-бла.

Она произнесла эти слова низким голосом, пародируя то, как говорят мальчики-подростки. Получилось совершенно непохоже на Люка, так что я помимо воли расхохоталась.

– Давай просто сформулируем запрос вселенной и посмотрим, что из этого выйдет, – предложила она.

Я поняла, что она имела в виду только несколько минут спустя, когда Люк вернулся домой. Я думала, что он идет с работы, поэтому ожидала увидеть его в синей рубашке поло и черных брюках, но он оказался в спортивных шортах и домашней футболке, которая прилипла к его груди. Его волосы намокли от пота.

Он поднял руку в знак приветствия, подошел к раковине, налил стакан и залпом его опустошил. Пока он глотал воду, кадык на его горле двигался вверх-вниз, но Мэл зорко следила за мной, и я старательно делала вид, что мне все равно.

Однако, как выяснилось, мне не стоило беспокоиться.

Мэл была занята собственными планами.

– Так с какой темой у тебя возникли сложности? – внезапно спросила она. Последние пять минут мы обсуждали вовсе не математику, но Мэл посмотрела на меня так выразительно, что я сразу поняла, о чем она говорит. – С произвольными последовательностями? Или с чем-то другим на букву «п»?

– Ты про производные? – неуверенно предположила я. Мэл прекрасно знала это слово.

– Точно! – воскликнула она, щелкнув пальцами. – Насколько я помню, мы в школе строили к графику касательную и измеряли угол транспортиром. Я могу завтра глянуть, остался ли он у меня, но ничего не обещаю.

Люк поставил стакан на стол и, словно по сценарию, посмотрел на нас. Кажется, он заглотил наживку.

– Эээ, спасибо, Мэл, – проговорила я, с трудом понимая, идет ли все по плану или уже нет.

– На здоровье, Джесси, девочка моя, – отозвалась она. – Люк, а у тебя, случайно, нет математического набора? Можешь на один день одолжить его нам с Джесси?

Люк нахмурился.

– Математический набор? Ты о чем?

– Ну, знаешь, бывают такие наборы в небольших серебристых коробочках?

Люк перевел взгляд на меня.

– Тебе нужна помощь с производными?

Несмотря на то что Мэл готовила меня к этому моменту, я покраснела.

– Да, типа того.

– Я уже все подзабыла, – пожаловалась Мэл. – Но в школе я отлично разбиралась в геометрии. Пойду-ка поищу свой старый калькулятор.

Она вышла из кухни и направилась к лестнице. Я закусила губу, чтобы не рассмеяться. Мэл так вошла в образ старенькой бабушки, что ее представление начало производить комический эффект.

Люк повернулся ко мне спиной, чтобы налить в стакан еще воды, и сказал:

– Я позанимаюсь с тобой.

Я не могла поверить, что Мэл оказалась права. Он и правда сам предложил мне помочь.

– Если хочешь, конечно, – добавил он, разворачиваясь лицом ко мне.

– Было бы чудесно, – выпалила я. – Это точно удобно?

Он пожал плечами.

– А почему нет?

Люк допил воду и, пройдя через всю кухню, остановился в паре сантиметров от меня. Я не сводила с него глаз, пока он тянулся к корзине фруктов, стоявшей за моей спиной, поэтому не успела заметить, как его вторая рука коснулась моего подбородка.

– Начнем завтра? – спросил он.

Мы одновременно опустили глаза: мука, которую он смахнул с моего подбородка, осела на его черные шорты, оставив на них белое пятнышко.

– Начнем завтра, – прошептала я.

ТОГДА

Производные.

Учитывая, что я была сосредоточена совершенно на другом, за этот час я узнала о них гораздо больше, чем рассчитывала. Мы с Люком расположились за столом, за которым обычно ужинали. Только теперь там не было никого, кроме нас двоих.

Мы сидели рядом, слегка наклонившись друг к другу, и наши головы соприкоснулись уже два раза. Я поняла, что легкий запах мяты, который я ощутила в машине, когда мы ехали забирать Роуэна с вечеринки Силии, все-таки исходил от Люка. Когда я пододвинулась еще ближе, то четко почувствовала свежий запах мыла, исходящий от его кожи. В моей голове тут же замелькали всевозможные обонятельные уравнения. Мятная жвачка + порошок с отдушкой «Океанский бриз», которым пользовалась Мэл = уникальный запах Люка? Или мятные конфетки + пока остающийся неизвестным гель для душа? Как бы то ни было мне нестерпимо хотелось уткнуться в грудь Люка головой.

Роуэн пах по-другому. От него исходил запах «Олд

спайс», смешанного с потом, который, надо признаться, был не таким вонючим, как у других людей – если, конечно, не нюхать Ро, когда тот только вернулся с корта. Интересно, у них с Люком было разное мыло, хоть они и пользовались одним и тем же душем?

Пожалуй, я должна была знать их достаточно хорошо, чтобы ответить на этот вопрос. Я начинала казаться себе ма-ньячкой – у Мэл появились бы основания выставить меня из своего дома навечно, узнай она, как сильно я хотела узнать ответ.

– Ты знаешь, что делаешь, – внезапно сказал Люк, и я поняла, что все кончено. Я попалась. Он прочитал мои мысли.

– В смысле? – переспросила я, убирая прядь волос за ухо и отодвигаясь подальше к спинке стула. Мои попытки понюхать Люка привели к тому, что я уже почти сидела у него на коленках. Я не знала, что со мной творилось. Господи, Мэл ведь сидела в соседней комнате.

– Ты знаешь, что делаешь, – повторил он. – Не думай, что примеры сложнее, чем кажутся.

– А... Спасибо, – пролепетала я, чувствуя, как у меня загораются щеки. То ли на меня так подействовала его похвала, то ли безумные мысли, которые никак не шли из головы. – Ты очень добрый учитель.

Так оно и было. Я знала, что Люк редко выходит из себя и, понятное дело, отличается поразительным умом, но я оказалась не готова к тому, с каким терпением он подходил к

нашим занятиям. Он никуда не спешил, не давил на меня и делал комплименты.

– А что, нужно быть позлее? – спросил он, и его взгляд – всего в паре сантиметров от моего лица – показался мне осязуемым, словно прикосновение.

– Нет-нет, все хорошо. Мне нравятся добрые.

Осознав смысл своих слов, я с удвоенной силой принялась писать в тетради. Если я сделаю ошибку, у нас будет повод заговорить. Тогда наше негромкое дыхание и оглушительный стук моего предательского сердца потонут в шуме голосов.

Больше на этом уроке я таких глупостей не совершала. Наконец мы закончили, и я начала собираться.

– С этой темой ты разобралась, – сказал Люк. – Мы можем встречаться пару раз в неделю, пока ты не сдашь экзамен, если тебе удобно.

– Да, отлично. Сколько я тебе должна? У меня есть деньги, так что я могу заплатить.

Он покачал головой.

– Ты ничего мне не должна.

– Ого... хорошо, спасибо тебе! – сказала я и убежала прочь, как довольный щенок. Уже потом мне пришло в голову: а может, стоило его обнять? Пожалуй, мне удалось бы это проверить, не вызвав подозрений. Все-таки он очень сильно мне помог.

К счастью, на следующем нашем уроке неловкости замет-

но поубавилось. Мэл прилегла поспать в своей комнате, а Роуэн был на работе, так что мы снова остались вдвоем, если не считать Сидни, лежавшей у наших ног. Почему-то наши занятия всегда выпадали на то время, когда Роуэн работал, а так как за расписание отвечал Люк, я начала предполагать, что это происходит не просто так. Вероятно, он опасался, что Ро будет нас отвлекать. Наверное, так оно и случилось бы, но я все-таки скучала по Роуэну. После того утра, когда он забрался в мою комнату через окно, он снова пропал со всех радаров. Я не могла застать Ро даже в его собственном доме. На мои сообщения он почти не отвечал. Я пыталась убедить себя, что он просто занят или что ему нужно побыть одному, чтобы свыкнуться с мыслью о болезни Мэл, но все-таки я не могла не задаваться вопросом, почему он так сильно от меня отдалился.

Я приказала себе не думать о ноющей боли в груди и сосредоточиться на своем настоящем – на этом моменте, в котором я была вместе с Люком.

В этот раз мы решали примеры и болтали о разных вещах. О лечении Мэл. О выпускном классе. Об университете.

– Мама очень хочет, чтобы я поехал учиться, – проговорил Люк, наблюдая за тем, как я переписываю пример из учебника. – Она говорит, что будет чувствовать себя гораздо лучше, если мы будем жить своей жизнью, а не откладывать все личные дела... неизвестно насколько.

Мы оба понимали, что значат эти слова: на то время, кото-

рое осталось Мэл. Ее Большое Зло никогда не давало нам ни капельки надежды. Счастливый финал был исключен. Стоял лишь один вопрос: когда именно все закончится?

– Она говорит, что, может быть, даже успеет увидеть, как я оканчиваю университет, – сухо продолжил он.

– Значит, думаешь поехать? – спросила я.

– Не знаю... наверное. – Люк запустил пальцы в волосы, и я почувствовала, как он мучается. – А что ты скажешь?.. Ты бы все-таки осталась?

Это был странный вопрос. Неужели его так сильно интересовало мое мнение? Неужели он так хотел знать, как бы я поступила, будь Мэл моей мамой?

– Я не стану тебя осуждать, если ты об этом, – наконец проговорила я, потому что это был самый честный ответ, который я могла дать.

Мне было легко заявлять, что я сделала или не сделала бы, если бы приходилась Мэл дочерью, но, как правильно заметил Ро (как бы горько это ни было для меня), я таковой не являлась. Я могла любить Мэл эгоистичной, незамысловатой любовью – как любят люди, не связанные родственными узами. И как я поняла за эти годы, возможно, именно поэтому Мэл значила для меня так много. Ее любовь ко мне была ее собственным выбором и не имела никаких гарантий; у Мэл не было передо мной никаких обязательств из-за уз крови или родственных связей. По этой причине ее отношение ко мне казалось таким особенным. И я тоже могла любить ее

так необъективно, как мне хотелось. Мне было необязательно знать, умеет ли она распоряжаться деньгами. Для меня не имело значения, повела ли она себя с мистером Коэном так же несправедливо, как он повел себя с ней. Я могла слепо становиться на ее сторону. Все ее советы были для меня только советами, когда для Ро и Люка они являлись приказами.

Я наверняка любила ее не меньше, чем они, но я любила ее иначе.

Это я могла признать.

На следующем нашем занятии Люк вел себя рассеянno и, пока я работала, почти не давал указаний, не исправлял и не хвалил меня. Он вообще почти ничего не говорил.

– У тебя все в порядке? – наконец спросила я.

Меня охватил уже привычный страх, что с Мэл что-то случилось, а мне об этом никто не сказал. Какой бы прекрасной ни была наша неродственная любовь, в ней имелся один недостаток: я не жила с Коэнами. Я понимала, что они не обязаны рассказывать мне абсолютно все.

Люк потер затылок.

– Помнишь, я сказал, что ты ничего мне не должна? Это по-прежнему так, – быстро добавил он. – Но мне пригодилась бы твоя помощь.

– Хорошо, выкладывай, – сказала я, выпрямляя спину.

Несколько минут спустя Люк открыл дверь своей комнаты и завел меня внутрь. Он рассказал о причинах своей рас-

сеянности, и теперь перед нами стояла задача подобрать ему одежду. Сидни, забравшаяся вслед за нами вверх по ступенькам, сначала вилась вокруг моих ног, а потом уселась у изножья кровати. Я подошла к ней, опустилась на колени и погладила ее шерстку, делая вид, что находиться в комнате Люка Коэна для меня совершенно обычное дело.

– Извини за беспорядок, – сказал Люк, как будто я была в состоянии заметить, убрано или нет место, где он живет. Из всех комнат в доме Коэнов реже всего я бывала именно здесь. В детстве мы иногда играли на компьютере Люка или раскладывали настольные игры на его ковре, потому что в его комнате было больше места, чем у Ро. Но за последние несколько лет я ни разу сюда не заходила и лишь иногда бросала взгляд в приоткрытую дверь.

Его комната выглядела далеко не так аккуратно, как моя. Везде лежали стопки книг: на столе, на полу, на двух полках – их было так много, что они едва не падали. В одном углу валялась обувь, в другом я увидела несколько пар гантелей. Кровать была не убрана, но застелена свежим бельем.

– Эй, Сидни, – проговорил Люк. – Давай покажем Джесси наш маленький фокус?

Услышав свое имя, Сидни послушно подскочила и побежала к нему.

– Готова? – спросил Люк. Я не поняла, к кому он обращается: ко мне или к собаке, но на всякий случай широко улыбнулась.

– Обувь! – скомандовал он.

Сидни побежала в угол с ботинками, нашла серую домашнюю туфлю и принесла ее Люку.

– А теперь на другую ногу, – сказал Люк.

Сидни потрусила к куче обуви и, выбрав вторую туфлю из той же пары, бросила ее перед Люком.

– Не может быть, – ахнула я. – Как она поняла, какую туфлю...

– Секрет, – улыбнулся Люк. – Сид, ты славная девочка!

Нагнувшись, он положил туфли перед Сидни, которая виляла хвостом и терпеливо ждала.

– А теперь грандиозный финал... поехали!

По этой команде Сидни засунула в туфли передние лапы.

– Боже мой! – воскликнула я и наклонилась, чтобы еще раз ее погладить. – Ты такая молодец, Сидни! Какая умная девочка! Да-да, это ты наша умница!

Следующие несколько секунд мы с Люком изливали на Сидни нашу нежность. Она счастливо смотрела на нас и позволяла себя гладить.

– Может, нам запустить свое шоу? – спросил Люк.

– Черт возьми, да! – воскликнула я. – Я бы не пожалела денег, чтобы это увидеть. Тебе нужно выкладывать ролики на Ютуб или что-нибудь в таком духе.

Рассмеявшись, Люк поднялся на ноги, и я вспомнила, что он позвал меня в свою комнату не для того, чтобы показывать, каким трюкам он научил Сидни.

Я тоже встала, а потом присела на краешек его кровати, пытаюсь не думать (без особого успеха) о том, сколько девушек сидело здесь до меня. Люк подошел к шкафу, открыл его и провел рукой по ряду рубашек, которые там висели. Мое внимание снова вернулось к тому факту, что я находилась в его комнате. В том месте, где он проводил большую часть времени. Где спал, одевался и раздевался. Учítывая, что он часто спускался к завтраку с растрепанными волосами и в пижамных штанах, довольно низко сидевших на его бедрах, он явно спал без футболки. Но что насчет штанов? Надевал ли он их только из скромности, перед тем как протереть заspanные глаза и спуститься вниз?

– Значит, одежда... – проговорил он, и мое тело накрыла волна тепла.

– Ага, одежда. Она определенно необходима, – пропищала я и смущенно поежилась.

Люк как-то странно на меня посмотрел, но сказал лишь:

– Спасибо, что согласилась помочь. Я бы попросил маму, но ты же знаешь, что тогда начнется...

Я улыбнулась.

– Ты о речи, которую она произнесет? *«Силы небесные, может ли быть правдой, что мой первенец куда-то собрался вечером в пятницу?!»*

– Типа того, – отозвался он.

Эта пародия на Мэл показалась мне довольно удачной, но, глядя на то, как Люк проводит рукой по затылку, я поняла,

что смутила его.

Он вытащил несколько рубашек и футболок.

– Так, ты же собираешься надеть темные джинсы? – спросила я, рассеянно рассматривая предложенные варианты. Вся его одежда казалась такой мягкой на ощупь. Если бы я на мгновение осталась здесь одна, зарылась бы в нее лицом.

Люк кивнул.

Я задумалась, не захочет ли он запатентовать свой запах, чтобы такие девушки, как я (главным образом, именно я), не были вынуждены идти на хитрости ради возможности понюхать его или его одежду.

– Ты говорил, что идешь в караоке? – переспросила я, пытаясь вспомнить, что именно он сказал мне в столовой. Если он еще не начал сомневаться в моих умственных способностях, то ждать осталось недолго.

Я выбрала темно-синюю футболку и серую рубашку без воротника с небольшим вырезом на пуговицах – одну из моих любимых. Да, в его гардеробе у меня были свои фавориты. Возможно, я превратилась в извращенку, но, что поделать. Святую я из себя никогда не строила.

– Скажу честно, – начала я. – Никогда бы не подумала, что ты любишь караоке.

– Ты права, – подтвердил Люк. – Вообще не люблю. Но меня позвали, а я сейчас стараюсь почаще выходить из зоны комфорта, чтобы не испытать культурный шок, когда приеду в универ. Подумал, что пора меняться.

Я подняла на него удивленный взгляд.

– Тебе необязательно меняться.

– Обязательно. Университет – это совершенно другая история, – сказал он и через мгновение добавил: – А ты сама знаешь, какой я человек.

– Какой ты человек? – уточнила я, даже не пытаясь скрыть замешательство. Он уже видел, как я решаю математические примеры, так что у него не могло остаться иллюзий насчет уровня моего интеллекта.

– Ну, понимаешь, – проговорил Люк, глядя не на меня, а на рубашки, перекинутае через его руку. – Я не Ро.

Я понимала. В отличие от брата, Люк не был ни дерзким, ни многословным, ни спонтанным. С самого детства.

– Так в этом же нет ничего плохого...

В ответ он пожал плечами.

Нас окутала тишина. Я сделала глубокий вдох, твердо намереваясь вытянуть как можно больше информации из этого разговора, куда бы он нас ни завел.

– Я правильно понимаю, что ты хочешь впечатлить девушку? – спросила я так шутливо, как только могла.

– Это... эээ, я не могу ответить на такой вопрос.

Я уперла руки в бедра.

– И как я смогу тебе помочь, если ты утаиваешь важную информацию?

Люк рассмеялся.

– Не ожидал, что ты станешь давать мне настолько кон-

кретные советы.

– А как же иначе, – настаивала на своем я. Секунду спустя я продолжила: – Хорошо, давай попробуем зайти с другой стороны. Тот человек, который позвал тебя в караоке... это девушка?

Он кивнул. У меня оборвалось сердце, но я заставила себя сделать вид, что меня это ничуть не расстроило.

– Понятно! Однозначно выбираем серую, – проговорила я, указав на нужную рубашку. – Вот эту.

– Ты уверена? – переспросил он, и я кивнула.

Мы обсудили еще пару деталей – я одобрила кеды, который он собирался надеть, и посоветовала ему выбрать какую-нибудь песню, которую все знают, например, что-нибудь из «Аббы», – а потом он сказал:

– Спасибо, Джей-Джей.

– Всегда пожалуйста, – ответила я. Вся эта ситуация по-прежнему меня расстраивала, но, с другой стороны, я была чуть-чуть счастлива из-за того, что он доверял мне достаточно, чтобы попросить о помощи. Хотя он не слишком-то горел желанием обсуждать эту тему, у меня в рукаве было припрятано несколько безобидных с виду вопросов о девушке, которая его позвала. Например, она была его знакомой с работы? Пригласила ли она кого-то еще?

Но мне так и не удалось их задать, потому что в эту секунду в комнату Люка влетел Ро.

– Вот ты где! – выпалил он, дыша так тяжело, словно про-

бежал марафон. – Какого черта? Я тебя везде ищу.

– Я сидела тут, – пожала плечами я, как будто в этом не было ничего удивительного.

Ро перевел взгляд с меня на Люка, открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом тряхнул головой и произнес:

– Код «девять-девять-девять». У меня чрезвычайная ситуация. Жду тебя в сарае.

– Прямо сейчас? – спросила я, поймав взгляд Люка. Я собиралась сидеть на его кровати, пока он меня не выгонит.

– Прямо сейчас, – отрезал Роуэн и повторил: – «Девять-девять-девять», – как будто сомневался, что я расслышала его слова, когда он произнес их в первый раз.

Я вздохнула и поднялась с кровати. Мне хотелось остаться и поговорить с Люком, но я знала, что нужна Роуэну. Раз он хотел встретиться в сарае и даже использовал наш не такой уж тайный код, дело было серьезное.

Что бы я ни испытывала к Люку, Роуэн оставался моим лучшим другом. Я очень переживала из-за того, как в последнее время складывались наши отношения. Они стали неопределенными и хрупкими. Я задумалась: может быть, именно поэтому он меня и искал? Возможно, он скучал по мне так же сильно, как я скучала по нему, и отчаянно хотел поговорить – поговорить *по-настоящему* – так же, как и я?

Поэтому я попрощалась с Люком и вслед за Ро вышла из комнаты, чтобы узнать, в чем состояла чрезвычайность ситуации.

СЕЙЧАС

Я знаю, что это не вопрос жизни и смерти.

«Все будет хорошо», – повторяю я сама себе, но легче не становится.

Мне совершенно не помогает мысль о том, что Мэл все равно. Она не обратит никакого внимания ни на мою прическу, ни на одежду, ни на то, покрашены ли у меня глаза. Раз она попросила меня прийти, значит, она наконец готова сказать мне в лицо все то, что держала в себе с прошлой осени. Все то, что не сказала мне после смерти Роуэна.

Я думаю: а может, никуда не идти?

Мне невыносима мысль о том, что я загляну в ее глаза и увижу там тот же гнев, что и в глазах Люка. Мне невыносима мысль о том, что она не назовет меня своей девочкой. Вместо этого она будет на меня кричать или, что еще хуже, заплачет. Но я все-таки заставляю себя сесть в машину и тронуться с места.

Это то немногое, что я способна сделать.

Хоть этого и слишком мало.

Я подхожу к дому Коэнов на ватных ногах. Мои пальцы начинают мелко подрагивать. Я звоню в дверь, а потом сжимаю одну руку другой, пытаюсь унять дрожь.

Проходит не меньше минуты, прежде чем дверь открывается. На пороге стоит Люк, и я не понимаю, почему это так

меня удивляет.

Он кивком приглашает меня войти. Его взгляд падает на что угодно, кроме меня.

Я делаю шаг вперед, и меня с головой накрывает волна воспоминаний. Как мы с Ро съезжаем по перилам лестницы. Как я помогаю Мэл готовить и печь пироги. Как лежу на полу, притворяясь мертвой, пока Сидни обнюхивает меня и лижет мое лицо, чтобы я очнулась.

Люк смотрит, как я расстегиваю сандалии и, разувшись, оставляю их в холле. Все это время я чувствую себя по-идиотски, как будто мы играем в странную игру. Я притворяюсь вежливой незнакомкой, которая, переступив порог, снимает обувь – будто никогда в жизни не залезала в одежду и ботинках в кровать хозяйки дома.

Густая тишина давит на меня, и я пытаюсь придумать, что бы сказать.

– Где Сидни?

– Мы ее отдали.

Я задала этот вопрос, просто чтобы разрядить обстановку, но его ответ выбивает из меня весь воздух, как удар в живот. Сидни тут больше нет?

Люк смотрит куда-то в сторону со скучающим и нетерпеливым видом. Как будто сказал мне, что небо голубое, а не то, что они отдали собаку, в чью шерсть я плакала и смеялась последние девять лет.

– А, – запоздало произношу я и пытаюсь взять себя в руки.

Этот визит будет сущим кошмаром. Я едва сдерживаю слезы, хотя еще даже не увидела Мэл.

Наконец разобравшись с туфлями, я следую за Люком мимо гостиной в маленькую гостевую спальню. Последние пять лет или около того я спала в этой комнате, когда оставалась ночевать в доме Коэнов. Как только я начала носить лифчик, Мэл ввела правило: мне больше не разрешалось спать в комнате Роуэна. Даже если каждый из нас залез бы в свой собственный спальный мешок.

Люк дважды стучит в дверь гостевой спальни.

– Мама?

До нас доносится голос, который я узнала бы всегда и везде.

– Заходи!

Он толкает дверь, и мы оказываемся в комнате, которая, видимо, стала новой спальней Мэл. Мне сразу бросается в глаза больничная кровать, но письменный стол из «Икеи», за который я садилась в тех редких случаях, когда делала домашнее задание, по-прежнему стоит у стены.

Мне требуется секунда, чтобы найти взглядом Мэл, а потом еще одна, чтобы осознать, что она сидит в коляске. В горле образуется огромный ком, лишая меня дара речи.

Похоже, Мэл тоже теряет способность говорить. Она только несколько раз моргает.

Пока стоит тишина, я замечаю, какой маленькой и хрупкой выглядит Мэл. Раньше она то и дело пробовала новые

диеты (и конечно, никогда не доводила их до конца), игнорируя тот факт, что работала в пекарне и жила с двумя сыновьями, аппетит которых с легкостью позволил бы им съесть слона. Но сейчас она настолько худая, что сразу видно: никакой диетой такого не добиться. У нее бледная кожа, и мой взгляд снова и снова останавливается на ее запястьях. В них осталось так мало плоти.

– Джесси, – наконец выдыхает она.

Я подхожу ближе. Мне очень хочется дотронуться до нее, но я ужасно боюсь.

– Привет, малышка, – улыбается она.

Я теряю остатки самообладания и начинаю рыдать. Упав на колени, я обнимаю ее за ноги.

Она смеется и проводит рукой по моим волосам.

– Боже мой, не такой реакции я ожидала. Неужели теперь один мой вид вызывает у людей слезы?

Я всхлипываю и ловлю ртом воздух, дрожа всем телом. Почему она меня обнимает? Зачем пытается успокоить?

– Что ты тут делаешь? – спрашивает она, как будто мой визит стал для нее неожиданностью.

– Я же тебе говорил, мам. Она и есть твой сюрприз.

Только сейчас я осознаю, что Люк все еще стоит рядом с нами. А еще я понимаю, что Мэл *действительно* не знала, что я приду. Я оборачиваюсь и бросаю на Люка недоуменный взгляд, но он просто смотрит на нас, прислонившись к стене.

Я ее сюрприз?

Но он же сказал...

Он говорил мне...

Это Люк захотел, чтобы я пришла?

– Я так на тебя зла, – говорит Мэл и берет мое лицо в ладони. У меня сжимается сердце, и я опускаю взгляд.

Ну вот и началось.

Это реакция, которую я ожидала.

Это реакция, которую я заслуживаю. Возможно, она прикасается к моему лицу, только чтобы дать мне пощечину.

– Я ужасно, ужасно на тебя зла, – продолжает она. – Но ты все равно выиграла! Как же я, черт возьми, рада за вас двоих! Даже готова простить тебя за то, что ты совсем про меня забыла.

За нас двоих?

Произнося эти слова, она указывает на меня, а потом на Люка.

Я в замешательстве отстраняюсь от нее и встаю на ноги.

– Не понимаю, о чем ты, – выдавливаю я.

Люк внезапно подходит ко мне.

– Она говорит про нас, – поясняет он.

Его рука обвивается вокруг моей талии, и я подпрыгиваю на месте. А потом опускаю взгляд, чтобы проверить, не галлюцинация ли это.

– Я...

– Да-да, я помню, что мы пока не собирались никому про нас рассказывать, но я не удержался, – говорит Люк.

Я поворачиваюсь к нему и сверлю его взглядом, а в следующий момент он подносит руку к моему лицу и нежно смахивает слезы со щек.

Мое сердце едва не останавливается, когда я чувствую его прикосновение – столько месяцев спустя.

– Надеюсь, ты не против, – добавляет он.

Взгляд Люка притягивает меня как магнит, и в нем явно скрыто какое-то послание. Вызов? Нет, мольба.

Но что это за мольба? Чего именно он от меня хочет?

Молчание затягивается настолько, что любопытный взгляд Мэл начинает прожигать в моем лице дыру.

Наконец я хрипло выдавливаю:

– Нет, конечно... все... хорошо.

Какие бы изменения ни произошли с Мэл, ее интуиция остается непревзойденной.

– Так, ладно, я не вчера родилась. Вы чего-то недоговариваете.

– Ты... о чем? – мой голос срывается до такой степени, что я почти пишу.

Мэл прищуривается, и Люк вдруг начинает смеяться.

Я так давно не слышала его смеха. Но сейчас, стоя рядом с ним, я чувствую себя так, словно нахожусь в эпицентре землетрясения. Я вздрагиваю.

– Давай расскажем ей, – заговорщицки предлагает он, крепче прижимая меня к себе. – Мама, поверь, тебе не нужно знать, как это произошло. То, как мы снова начали встре-

чаться.

Кажется, она относится к его словам скептически, но все-таки наклоняется чуть ближе.

– Расскажите!

– Это немного... личное, – произносит он.

Я перевожу взгляд с Люка на Мэл, зачарованная этим представлением, хотя ничего не знаю о его героях, не говоря уже о сюжете.

– Так это же хорошо. Когда я соблюдала личные границы? – интересуется Мэл.

– Ну мам, – стонет Люк.

– Не мамкай мне! Хочешь лишить умирающую женщину последних радостей в жизни?

Атмосфера в комнате тут же меняется; лицо Люка приобретает серьезное выражение. Та Мэл, которую я помню, никогда не говорила о смерти. Она говорила, что пытается пережить свое Большое Зло.

– Давай в другой раз, – тихонько предлагает он. – Мэрилин придет с минуты на минуту.

– Мэрилин – это моя медсестра, – поясняет мне Мэл, и я киваю, как будто это нормально, что она говорит мне такое. Как будто это нормально, что она вообще со мной разговаривает и радуется лжи, которая льется из уст Люка. Я не имею ни малейшего понятия, что здесь происходит.

– Мне... пора на работу. – Я нахожу самый быстрый путь к отступлению.

– Ой, точно, я совсем забыл, – говорит Люк и почесывает голову.

Мой личный радар, реагирующий на чушь, уже настолько выведен из строя, что на долю секунды я задаюсь вопросом: а когда я успела рассказать ему, что работаю? Когда до меня доходит, что я ничего ему не говорила, сгусток гнева временно берет верх над замешательством.

– Обними меня перед уходом, – просит Мэл, и я освобождаюсь из объятий Люка, чтобы попасть в объятия Мэл.

– Я тебя люблю, – шепчет Мэл мне на ухо. – Так всегда было и всегда будет.

И тогда я понимаю, что она ни о чем не знает.

Как?

Как она может не знать? После стольких месяцев?

– Я тоже тебя люблю, – задыхаясь от подступающих слез выдавливаю я.

Она крепко сжимает меня в своих классических объятиях, а потом я делаю шаг назад и выхожу из комнаты.

Люк говорит матери, что скоро вернется, и следует за мной, придерживая меня рукой за спину. Пока мы идем по коридору, у меня кружится голова. Замешательство снова стремительно сменяется удушливой красной волной гнева.

Как только я уверена, что Мэл нас не услышит, я скидываю его руку со своей спины и оборачиваюсь к нему лицом.

– Что это вообще было?

Он оборачивается через плечо и знаком просит меня идти

дальше. Когда мы оказываемся в гостиной, он хватает полупустую бутылку воды и делает большой глоток.

– Зачем ты все это устроил? – снова спрашиваю я. Апатия в его взгляде заставляет мою кровь кипеть еще сильнее. – Ты сказал, что она хотела меня видеть!

– Она и хотела, – говорит он.

– Чушь! Она даже не знала, что я приду. Ты меня обманул! – с каждым мгновением мой голос звучит громче и громче.

– Успокойся, мать твою, – шипит Люк уже не с таким безразличным видом.

– Не указывай мне, что делать! – злобно отвечаю я.

На секунду мы оба застываем. Я не могу поверить, что мы с Люком используем такие слова. Я могла бы так разговаривать с Ро. Но с Люком – никогда.

– Она больна.

– Ты думаешь, я не знаю?

– Эта новость ее обрадовала.

– То есть ты решил соврать ей? Просто чтобы порадовать?

– Да, решил, – говорит он. – И знаешь что? Это гораздо больше, чем сделала ты. Где ты была, черт тебя побери? Где тебя носило весь этот год?

Услышав эти слова, я делаю шаг назад.

– Я думала, она не хочет, чтобы я приходила, – еле слышно отвечаю я.

– Она была офигеть как рада тебя видеть, так что нет,

эта отмазка не работает, – произносит Люк. – Попробуй какую-нибудь другую.

– Я думала, *ты* не хочешь, чтобы я приходила.

Он проводит рукой по волосам, но не опровергает мои слова.

– Дело не во мне.

– Я не буду ей врать, – после долгой паузы говорю я. – Хочешь ее порадовать? Чудесно. Только давай как-нибудь без меня.

– Джесси, она больна, – тихо произносит он, не глядя мне в лицо.

– Да знаю я! – раздраженно восклицаю я.

– Тогда хоть раз подумай о ком-нибудь, кроме себя!

Меня передергивает.

– Я ухожу, – говорю я и поворачиваюсь к двери.

– Ты мне должна! – кричит он, прежде чем я успеваю дойти до порога. Я наклоняюсь, чтобы надеть сандалии, даже не думая их застегивать.

– Ты сама знаешь, что должна мне, – тихим голосом повторяет Люк, и я замираю на месте.

В следующее мгновение я поворачиваюсь к нему и смотрю ему в глаза.

– Да пошел ты, – шиплю я и выбегаю из дома.

Когда я сажусь в машину, мои руки дрожат так сильно, что я едва могу обхватить ими руль.

Слова Люка преследуют меня всю дорогу.

Ты мне должна.

Ты сама знаешь, что должна мне.

Я включаю радио и пытаюсь заглушить мысли музыкой. Осознав, что это не помогает, я вспоминаю о методике позитивного самовнушения, про которую маме рассказывал ее психотерапевт.

Я знаю себя.

Это нормально, что я иногда ошибаюсь.

Прошное должно оставаться в прошлом.

Но я не могу сосредоточиться ни на дороге, ни на позитивных мыслях.

Потому что знаю, что он прав.

ТОГДА

Я совершила ужасную ошибку.

Как только Ро открыл дверь сарая, впустив внутрь солнечный свет, я увидела старый спальный мешок, на котором лежало несколько банок пива.

Он *за этим* вытащил меня из комнаты Люка?

У меня сжалось сердце, и я ощутила, как улетучивается последняя надежда на разговор по душам, который помог бы нам с Ро восстановить доверие.

Ему просто хотелось выпить.

– Ты же сказал, что у тебя чрезвычайная ситуация, – спокойным тоном произнесла я.

– Так и есть, – настоял он, заходя внутрь и плюхаясь на импровизированный матрас. – Это и есть гребаная чрезвычайная ситуация.

Он похлопал по спальному мешку, приглашая меня присесть рядом с собой.

На мгновение я замерла в нерешительности, потом оглянулась на дом и все-таки зашла в сарай. Неважно, с алкоголем или без, но Ро хотел со мной поговорить. Это должно

было хоть что-то значить.

Он протянул мне банку пива, но я покачала головой.

– Где ты все это достал?

– Не у Мэл, – с вызовом ответил он.

– Знаю, что не у нее, – сказала я. Мэл не пила дешевое пиво.

Несколько лет назад, когда Мэл повезла Люка в другой штат на какую-то математическую олимпиаду, мы с Ро залезли в шкафчик, где Мэл хранила алкоголь, нашли там водку и напились до потери сознания. На следующее утро меня мучило первое (и до сих пор самое суровое) похмелье в жизни, но оно меркло по сравнению с неподъемным чувством вины, которое охватило меня, когда Мэл вернулась домой. Мне понадобилось всего пятнадцать минут, чтобы расколоться и поведать Мэл страшную правду. С тех пор никто из нас троих не знал, где Мэл хранит ключи от того самого шкафчика, но меня это ничуть не огорчало. А Ро пришел к выводу (вполне справедливому), что я самая жуткая зануда в мире – разве что после его брата, который не пил вообще.

– Так что у тебя случилось? – спросила я.

Ро вздохнул, попытался запустить пальцы в волосы, но потом вспомнил, что подстригся, и остановился на середине движения.

– Я поцеловал Кэсси Клэрберн, – выпалил он.

Я непонимающе моргнула и переспросила:

– Кэсси Клэрберн?

– Вот именно, – печально подтвердил Ро. А в следующую секунду, к своему удивлению, завалился на спину, потому что я изо всех сил пихнула его рукой.

– Ты сказал, у тебя чрезвычайная ситуация! Ты сказал, что это код «девять-девять-девять»!

Мы стали пользоваться этим кодом после того, как посмотрели какой-то британский сериал и узнали, что это их аналог службы девять-один-один.

– К тому же, если его перевернуть, получится число дьявола, – сказал тогда Роуэн. – Если один из нас его назовет, второй сразу поймет, что случилось что-то серьезное.

Что-то серьезное, например, несчастный случай, расставание или, черт возьми, внезапно возникшая необходимость поговорить о болезни матери. Роуэн по-прежнему отказывался поднимать эту тему. Это был чрезвычайно важный вопрос, но я обсуждала его с Люком чаще, чем с Ро, что указывало на очевидную проблему в наших отношениях.

– Так и есть, – упорно настаивал Роуэн.

Он открыл банку пива и сделал такой большой глоток, будто это была вода. Моя бровь укоризненно взлетела вверх, но я удержалась от комментариев.

Роуэн наконец захотел со мной поговорить, и, пусть это было не то, что я хотела услышать, какая разница? По крайней мере, он позвал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.